

2022

ГОД Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА
В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ 170 ЛЕТ

БИБЛИО_анонс

«По Уралу» – заглавие одного из сборников Дмитрия Мамина-Сибиряка, много путешествовавшего по нашему краю и оставившего замечательные записки об этих поездках. Его «летние экскурсии по Уралу», как называл их сам писатель, вылились в целую серию не раз переиздававшихся еще при жизни автора и публиковавшихся спустя годы книг: «От Урала до Москвы», «По Зауралью», «Уральские рассказы». Путевые заметки обретали форму художественно-публицистических эскизов, очерков, новелл и сейчас, помимо всех литературных достоинств, имеют важное историко-познавательное и краеведческое значение.

Для нашего Путёвого журнала мы позаимствовали не только заголовок, но и саму идею сборника с разножанровыми автофиксациями целенаправленных впечатлений писателя-путешественника. Заметки Мамина-Сибиряка стали прообразом творческого задания для наших литрезидентов – гостей и участников больших мероприятий, которые проводит Белинка. Нам стало интересно узнать, каким видят Екатеринбург и Урал местные авторы лет так сто с гаком спустя после выхода живописаний нашего края Дмитрием Наркисовичем, каким видится город и регион проездом иногородним авторам.

Часть путёвых текстов специально написаны для этого издания. Мы также попросили некоторых участников поделиться материалами, созданными ранее. В итоге получился совместный «Коллективный Травел'Ок» с разбросом от нон-фикшна до репортажа, от коротких заметок до развернутых очерковых записей, стилизованных под дневник, заканчивая новоуральскими байками и сказками.

Читателю будут также представлены оригинальные подборки поэтических откликов разных лет, где ключевыми словами являются Урал, Свердловск, Екатеринбург и другие здешние топонимы.

«По Уралу» составили также гид по модельным библиотекам Свердловской области, вышедшей за последние годы в число лидеров по количеству переформатированных и преобразованных библиотек нового поколения, экспресс-опрос «Екатеринбург литературный – карта для читательских странствий», журнальные фото- и картинные галереи.

Айда с нами, Читатель!

Путёвый журнал Библионнале#наУрале и моделей чтения

По Уралу

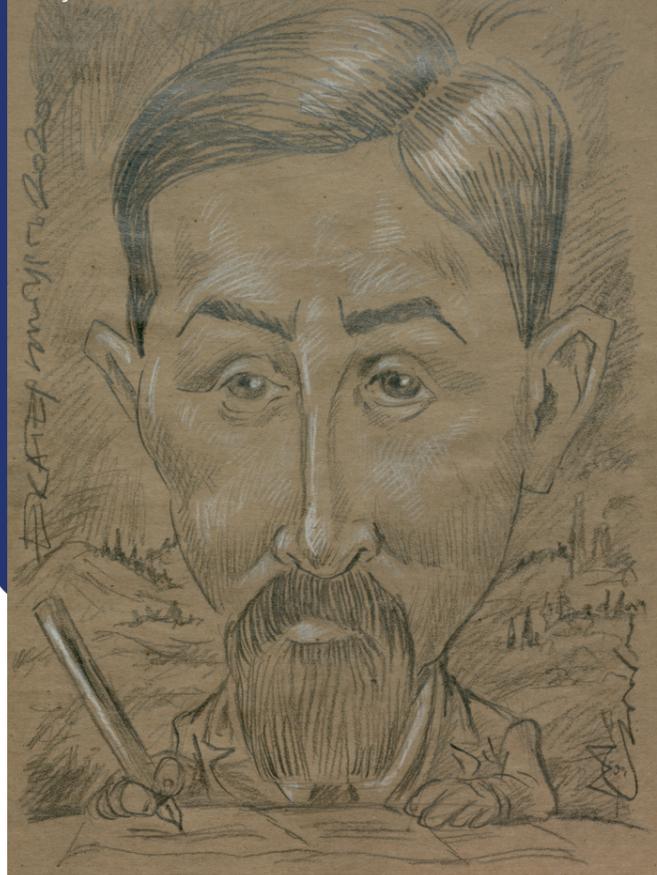

Литературно-художественное, цветное, иллюстрированное издание

Выпуск первый осуществлен Свердловской областной универсальной научной библиотекой им. В.Г. Белинского, организатором Библионнале#наУрале

Рисунок Максима Смагина

Аркадий Ачитов ПОДЛЕТЯ К УРАЛУ
2019. Холст, масло

Библионнале #наУрале

Многие кардинальные изменения в библиотечной сфере требуют новых решений в продвижении чтения и презентации современных библиотек. Свердловская область в лице главной региональной библиотеки, носящей имя Виссариона Белинского, впервые проведет большой библиотечный форум принципиально нового формата под названием «Библионнале#наУрале», который состоится 11-14 ноября 2022 года.

Основной платформой для реализации проекта станет Белинка, получившая несколько лет назад известность в литературном сообществе страны как организатор Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарий». Параллельные программы пройдут 13 ноября в музее «Литературная жизнь Урала XX века», в галерее «Синара Арт» и недавно открытом Музее андеграунда.

В отличие от различного рода биеннале искусств это будет библиотечно-книжный ежегодник, где приставка «библио» подразумевает под собой «книгохранилище XXI века», а также всё связанное с книгой, ее настоящим и будущим, книжным миром и читательскими практиками.

«Библионнале#наУрале» рассчитана прежде всего на тех, кто хочет улучшить качество своего чтения и повысить эффективность личного пользования библиотечными ресурсами.

Библионнале#наУрале сердечно поздравляет нашего земляка, летчика-космонавта Сергея Прокопьева с двумя большими событиями!

В этом году ему была вручена Золотая Звезда Героя России, а 21 сентября 2022 года прославленный екатеринбуржец во второй раз отправился в орбитальный полёт. 12 октября Сергей Прокопьев принял командование Международной космической станцией. В настоящее время находится в космическом полёте.

А 24 апреля прошлого года космонавт в качестве гостя вышел на прямую связь с родным городом во время торжественного открытия «Библионочи-2021», организованного Библиотекой им. В.Г. Белинского и подтвердил, что книги – это дорога к звездам.

Картина, переданная в дар Белинке уральским художником, в настоящее время экспонируется в фойе основного здания главной библиотеки региона.

МЫ – РЕГИОН ПЕРВЫХ!

(И не только президентов).

Именно у нас стартует первая БИБЛИОННАЛЕ!

Модельный базис: гид по модернизированным библиотекам Свердловской области

Тихо! Я – библиотекарь

12 мыслей про Екатеринбург

Городская литкарта:

Третья столица Третьего Рима

Екатеринбург литературный

Воздух Урала

Похождения литрезидентов

Слово об «Аэлите»

История одного стихотворения, написанного в Центральной гостинице

Сбывшийся Екатеринбург

В поисках странных сюжетов

Памятник с секретом: новый уральский сказ

Байки и скрепы

В краю непуганых трактористов

Невыносимая тонкость бытия: про Нижний Тагил

Глазами проводника

Библионочь

Уличное-Личное: поэтическая композиция

нежна

Библионнале#наУрале впервые пройдёт в Екатеринбурге **11-14 ноября 2022 года**. Организатор – Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В.Г. Беллинского при поддержке Министерства культуры Свердловской области; Белинка также выступает основной событийной площадкой. Библиотечно-книжный ежегодник «номер раз» будет охватывать Свердловскую область и в ближайшей перспективе получит распространение на территории всего Уральского федерального округа.

Библионнале#наУрале носит интертекстуальный характер. Это форум, где всё связано с книгой, её настоящим и будущим, книжным миром и читательскими практиками XXI века. Действующими литературными резидентами библиотечно-книжного ежегодника станут писатели и поэты, литературоведы и критики, переводчики, издатели, журналисты и те, кого можно назвать специалистами по «классному» чтению.

У **Библионнале#наУрале** четыре направления: **БИБЛИО_тека**, **БИБЛИО_тема**, **БИБЛИО_текст** и **БИБЛИО_арт**, в том числе спецпрограммы по исследованию существующих моделей чтения, ориентиров и критериев книжной культуры; представление современных библиотечных технологий; презентация библиотечного поколения; литературно-ориентированные проекты в виде художественных акций; литературный перевод как важное средство международного общения.

Библионнале#наУрале впервые представит спецкурс «Школа читателя». Читать правильно – отдельное искусство, которому можно научиться. Будет затронут широкий круг вопросов – от формирования личных собраний и книжного блоггерства до искусства рецензирования и тонкостей букинистики.

АРТсенал **Библионнале#наУрале** также будет самым разнообразным. К экспонированию и перформанс-прокату готовятся:

– социально-дискуссионный выставочный проект против жестокого обращения с книгами как со стороны читателей, так и со стороны некоторых концептуалистов и звёзд стрит-арта;

– выставка поэта и художника в одном лице;

– акция коллективного творчества;

– метафорическая выставка о метаморфозах уральской идентичности и культурного китча.

Библионнале#наУрале является наследницей Екатеринбургского книжного фестиваля в Белинке, который проводился с 2008 по 2021 годы.

О ЛОГОТИПЕ

Логотип **Библионнале#наУрале** повторяет форму привычного всем библиотечного штампа (штемпеля). Многие десятилетия книги, поступающие в фонд, в обязательном порядке маркируются специ-

альной печатью на основе синих чернил. Можно данную структуру рассматривать и как ячейки таблицы, используемой в процессе каталогизации.

Одновременно с этим визуальная часть логотипа является прямой отсылкой к славной странице в архитектурной истории уральской столицы, а именно к стилю конструктивизм. Подобные фактурные элементы часто встречаются в некоторых реализованных зданиях. Схожие структуры мы можем видеть на плакатах художников-конструктивистов, таких как Александр Родченко и Владимир Татлин.

Символический смысл логотипа заключается также в условном изображении книг, стоящих на полках и обращенных к нам корешками. Концептуально это выстроенные в ряд книги-окошки, открывающие читателю целый мир.

Разработка концепции – Евгений Иванов.

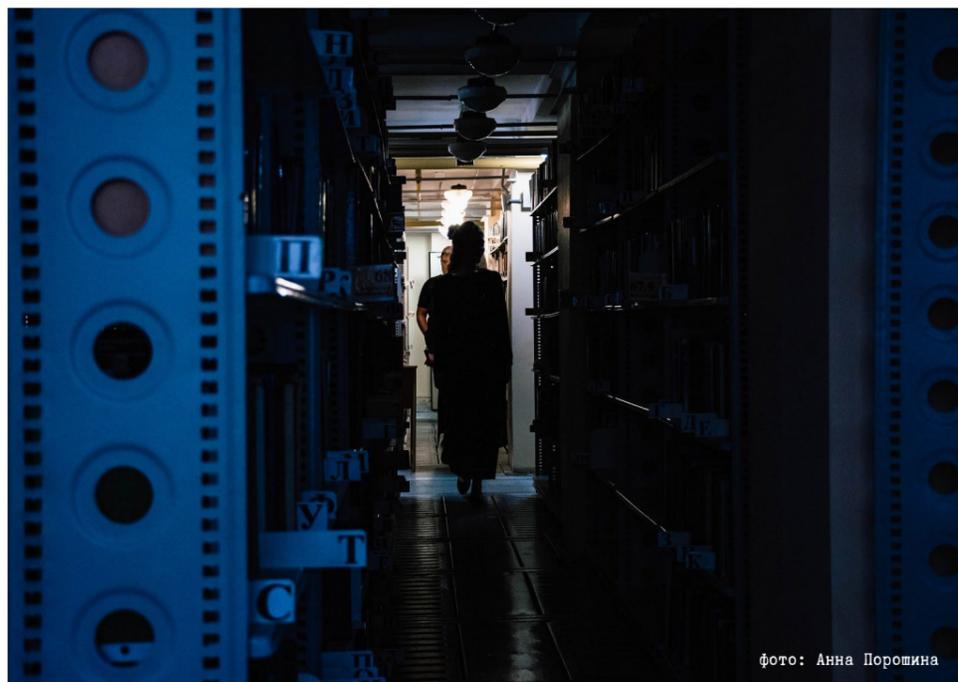

фото: Анна Порошина

«ТИХО, Я – БИБЛИОТЕКАРЬ!»

Конкурс профильного мастерства

В день открытия Библионнале#наУрале, **11 ноября в 17:00**, на площадке Белинки состоится командная игра «Тихо, я – Библиотекарь!».

Заявку на участие может подать областная, городская библиотека или централизованная библиотечная система Свердловской области и УрФО.

Победители конкурса будут определены в следующих номинациях:

– «Титульный приз БИБЛИОННАЛЕ#НАУРАЛЕ» библиотечной команде – победительнице конкурса;

– «Титульный приз. БиблиоПрофи» за индивидуальное мастерство;

– «Титульный приз. БиблиОбаяние» самому яркому участнику.

Призёры получают почётные награды и ценные подарки.

ЭТАПЫ КОНКУРСА

1 этап. «Люди из читальни»

Визитная карточка библиотеки. Расскажите о библиотеке, которую вы представляете. Постарайтесь это сделать оригинально, нестандартно. Допускается использование мультимедиа-ресурсов, элементов театрализации. Приветствуются литературные аллюзии, цитаты из классических произведений, обыгрывание заглавий известных книг.

В рассказ могут быть включены личные мотивы (но не обязательно) на тему «Как я впервые записался в библиотеку как читатель», «Как я в первый раз устроился на работу в библиотеку», «Моя семейная библиотека».

2 этап. «Запрос? Запросто!». Библиовикторина

Вопросы по истории библиотек, библиотечного дела, об известных людях, работавших в библиотеках.

3 этап. «book-о-лики». Видеоконкурс

На конкурс предоставляется заранее снятый ролик (не более 3 минут), в котором библиотекарь делает экспресс-обзор одной книжной новинки, недавно поступившей в фонд.

Автор ролика, представляющий его, также может получить дополнительные баллы, приняв участие в мини-конкурсе «А у вас есть такая книга?». По легенде читатель забыл название книги и даёт странное описание ее сюжета. За минуту участник из стоящих на стеллаже книг должен отгадать и найти искомого книгу.

4 этап. «Каталог улыбок». Конкурс невыдуманных историй

Участник рассказывает реальные забавные случаи, происходившие у них в библиотеке при работе с читателями.

5 этап. «Сотворение Лиры»

Каждая команда демонстрирует таланты своих участников.

Примеры: декламация, пение, стихосложение, номер художественной самодеятельности, буктрейлер, фотография, оригинальная поделка, наглядная агитация чтения и т. д.

Приглашение к просмотру «ИДОЛЫ»

ЖОВИАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ В СТИЛЕ «БОТЕРИЗМ»

Жовиальный (устар., книжн.) – бодрый, жизнелюбивый, неунывающий, жизнерадостный

Колумбийский художник Фернандо Ботеро прославился изображением персонажей и предметов в преувеличенных объёмах. Его оригинальный авторский стиль получил название «ботеризм». У него немало последователей. Даже в Екатеринбурге они есть. Екатеринбургец Аркадий Ачитов обратился к ботеризму, чтобы воплотить на полотнах причудливые образы, имеющие отношение к уральской действительности и советской мифологии. Это идолы эпохи, знаковые места, фантомы былых времён, остовы соцкультбыта. Изображает он и известных личностей – от дедушки Брежнева до Мамина-Сибиряка. Град Екатерины и его окрестности часто появляются на картинах Аркадия Ачитова. Зрителя ждёт целая галерея персонажей с местным колоритом: добытчики изумрудов и оружейники-ракетчики, братки с Уралмаша, умельцы-сидельцы из Тагила и военный оркестр на фоне Краснознаменной группы. В натюрмортах также есть своя изюминка: пряник «Уральский сувенир» и прочая аутентичная снедь на картине «Уральские хлебы», семь районных кубков Екатеринбургa, корона Урала с надписью, прославляющей опорный край.

В первый день Библионнале#наУрале в 18:30 состоится презентация первой персональной выставки Аркадия Ачитова, куда войдут более 20 картин. Большая часть работ будет представлена впервые.

Аркадий Ачитов
«Подлетая к Уралу» (фрагмент)
2019

С ИДОЛОМ В ГОЛОВЕ

Драматурги и художники, работающие в жанре сюжетной живописи, – это охотники за человеческими эмоциями. Добытые трофеи они раскладывают на своём творческом верстаке для составления новых сюжетных комбинаций.

В чём же секрет бесконечного многообразия эмоций и жизненных ситуаций? Перефразируя наследие американского психолога Эрика Берна (автор книги «Игры, в которые играют люди»), можно сказать, что человечество только тем и занято, что снует вокруг своих идолов. Они сражаются вокруг Золотого тельца. Толкаются в поиске покровительства Богини любви или сбиваются в колонны под горн Бога войны...

Этот хаос порхания людей-мотыльков среди идолов даёт колоссальный простор для рождения новых сюжетов. И именно тут – на пажитях человеческих страстей – табунами пасутся кинематографисты, писатели, поэты, музыканты, художники.

Но и у них тоже есть свой идол – всепожидающий Мейнстрим. Алтарь Мейнстрима – это кухня для кормления людей-мотыльков развлекательной пищей. Для каждого здесь находится блюдо по вкусу. Кто-то любит искусство поострее, кто-то любит сладкое, кому-то по сердцу творения, выпеченные на афродизиаках.

Грешен и я, под сенью Муз предлагающий эликсир радости жизни. Состав этого снадобья я не скрываю: минимально необходимый объём провокации, допустимая доза иронии и пара щепоток гротеска. Воп артé!!

Коллективный Травел'Ок – так шутливо обозначено в программе одно из направлений Библионнале#наУрале. Но если серьезно, то сбор и написание корпуса травелог-текстов иногородними и местными авторами идёт весь этот год. Да и гостей-писателей мы приглашали, что уж скрывать, с этим прицелом. Каждый из них не только так или иначе связан с литературно-критической премией «Неистовый Виссарион», учреждённой Белинкой в 2019 году, но и совершенно особым образом работает с жанром путевых заметок. После Библионнале#наУрале мы надеемся получить от наших гостей тексты, позволяющие взглянуть на Екатеринбург со стороны.

А сегодня мы прогуляемся по городу и его окрестностям с нашими друзьями из Москвы и Санкт-Петербурга, а также екатеринбургскими литераторами. Путешествие по журналу «По Уралу» растянется на весь номер.

ДВЕНАДЦАТЬ МЫСЛЕЙ ПРО ЕКАТЕРИНБУРГ

ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ

литературный критик, лауреат премии «Неистовый Виссарион» (2022)

1. На что похож Екатеринбург для петербургского взгляда? На Москву, уменьшенную в десять раз. Екатеринбург убеждает в том, что Москва, многократно уменьшенная, стала бы вполне пригодна для жизни.

2. В каждом хорошем российском городе есть своя архитектурная фишка. Самара – это модерн, Новосибирск – конструктивизм, Томск – деревянная архитектура, Тверь или Кострома – губернский классицизм. В Екатеринбурге же есть понемногу всего, и это смешение прекрасно.

3. Екатеринбург – город древней индустрии. Это единственный город, где на улицах выставлены старинные станки, и это оказывается не менее загадочно и волнующе, чем статуи богов или кости мамонтов.

4. Екатеринбург – город, в котором удивительно смешаны масштабы. Исеть на взгляд петербуржца и тем более волжанина – река из царства липутов. Она, конечно, шире Оккервиля, но уже Охты. Но по ее берегам проходит широкая набережная для променадов, а за плотиной начинается озеро, окруженное небоскребами. Здесь город похож уже не на Москву, а на Чикаго.

5. Екатеринбург и Петербург – единственные в России города камня. В Петербурге камень заложен в само название. В основе же Екатеринбурга и вообще уральской цивилизации – камень сумасшедший, расцветший всеми цветами радуги, оживший и чувственный, даже похотливый.

6. Екатеринбург – город прекрасных частных музеев. Я был в четверых, два из них созданы Евгением Ройзманом. Уральская индустрия – плод казенно-частного партнерства, но сейчас ценно то, что создано без казенных денег. По крайней мере, есть надежда, что из этих деталей не собрать автомат Калашникова.

7. Екатеринбург – столица уральского рока, но почему-то здешние люди любят рок ленинградский. Чтят и поют не Башл чева, не Бутусова с Кормильцевым, а Цоя.

8. У Екатеринбурга есть жестковидный старообрядческий бэкграунд. Это ощущается.

9. Екатеринбург вообще жесткий город.

Здесь нет гламура, нет расслабленности южных краев, где бедность компенсируется по крайней мере климатом, нет легкомысленного хипстерства. У здешних

людей, кажется, непростой опыт. Здесь всё говорится прямо и договаривается до конца.

10. Екатеринбург – город множества поэтов, актеров и художников, стихийных каббалистов, извлекающих божественные искры из суровой уральской жизни.

11. По названию Екатеринбург – вроде как жена Петербурга. Но это странно, потому что дух обоих городов – чисто мужской. В отличие от Москвы, которая – барыня: иногда добрая барыня Марья Романовна, иногда и Салтычиха. Екатеринбург же – мужчина: резчик по камню, металлург, геолог. И даже бывший браток, перевоспитанный Ройзманом и проводящий экскурсии в музее Невьянской иконы. Но среди екатеринбургских поэтов много прекрасных женщин.

12. Все большие повороты новейшей русской истории связаны с Екатеринбургом. Это место гибели последнего царя, отсюда пришел первый правитель послесоветской России. Возможно, так будет и дальше.

ВОЗДУХ УРАЛА

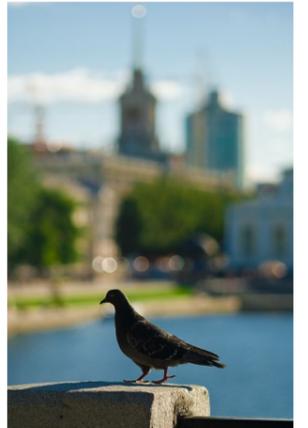
АННА ГОЛУБКОВА

писатель, участник Екатеринбургского книжного фестиваля «Ориентальный вектор» (2021)

Для всех любителей позднесоветского рока Екатеринбург – это легенда. Но понятно, что о самом городе по этим песням составить впечатление невозможно. Мрачные заводские кварталы, прокуренные подворотни, панки, металлосты, хиппи и прочая неформальная братия – это, скорее, признаки не места, но времени. А по фотографиям представить атмосферу того или иного городского пространства вообще невозможно. Так что Екатеринбург был для меня на самом деле настоящей terra incognita.

Вот почему я с таким нетерпением ждала личной встречи с этим городом, за которую, пользуясь случаем, хочу поблагодарить областную научную библиотеку имени В.Г. Белинского. И первое, чем меня поразил Екатеринбург, – это своим абсолютно неповторимым обликом. Ведь застройка и времён Российской империи, и особенно периода Советского Союза во многом была типовой, так что отдельные районы разных российских городов невольно сливаются в единое урбанистическое пространство без каких-либо индивидуальных признаков.

Но только не Екатеринбург! Ведь даже микрорайоны здесь имеют своё собственное лицо. Проснувшись утром в несколько сумрачном состоянии, тут не ошибёшься: сразу видно, что ты именно в Екатеринбурге, а не где-то ещё. Может быть, связано это с рельефом и природой предгорий Урала, может, с застройкой, как-то очень гармонично сочетающей разновременные пласты, а может, с

мым первым впечатлением – видом из окна бизнес-центра «Высокий», открывшим просто необыкновенные просторы.

Городские дома, водная гладь и надо всем этим огромное уральское небо. Во всём этом было очень много воздуха, а ведь именно воздуха не хватает современному человеку в мегаполисах, воздуха и пространства для свободного жеста. Город как бы сжимает человека, мешает ему дышать, сдавливает домами и дорогами.

Но ничего этого в Екатеринбурге я не почувствовала. Наоборот, каждая улица открывает здесь свою перспективу и предлагает выход в любую сторону, куда угодно – в Европу, в Азию, на север, юг, запад или восток.

И вот это пространство возможности свободного выбора было особенно ценным для меня в Екатеринбурге.

Аркадий Ачитов «Семь рюмок Екатеринбурга» 2019, холст, масло, 100×80

В какой-то момент Екатеринбург мне представился королевством, состоящим из семи баронств (герцогств, княжеств – как хотите), и я придумал фрагмент «придворного праздника». С одной стороны вышел и художественный сюжет с присущими ему признаками, и, одновременно, натюрморт. Буквы на рюмке, конечно же, означают названия районов: Ленинский, Октябрьский, Железнодорожный, Орджоникидзевский, Кировский, Верх-Исетский, Чкаловский. Когда процесс написания холста уже подходил к концу, пришла идея добавить к портрету Екатерины напутственный слоган. Ничего такого императрица, конечно, не говорила, поскольку почил в бозе в 1727 году, когда нынешний Екатеринбург представлял собой заводскую стройплощадку, но тем не менее, полагаю, сейчас Екатерина Алексеевна с удовольствием подписала бы под слоганом-тостом, который, извините за скромность, я ей сочинил.

МОДЕЛЬНЫЙ БАЗИС

**ДЛЯ ВСЕХ ПОКОЛЕНИЙ.
СВЕРДЛОВСКИЕ ВЛАСТИ
РАЗВИВАЮТ СЕТЬ
МОДЕЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК**

**Гид по модернизированным
библиотекам Среднего Урала**

Алексей Смирнов // Аргументы и Факты. 28.09.2022. № 39

Власти Свердловской области продолжают развивать сеть модельных библиотек на Среднем Урале.

По итогам конкурса Минкультуры РФ на эти цели в 2023 году регион дополнительно получит 30 млн рублей. Средства будут направлены на создание четырех модельных библиотек по нацпроекту «Культура».

В частности, двум свердловским учреждениям выделят по 10 млн рублей: это Централизованные библиотечные системы в Верхней Салде и городском округе Дегтярск. По 5 млн будет направлено Косулинской сельской библиотеке и городской детской библиотеке № 7 Серовского ГО. На данный момент Министерство культуры Свердловской области проводит региональный конкурс, в результате которого ещё одному учреждению будет выделено три миллиона рублей.

Как правило, оборудование таких учреждений позволяет проводить обучающие курсы, самостоятельно работать со справочной и науч-

но-популярной литературой, а представителям старшего поколения – осваивать современные гаджеты. В отдалённых территориях модельные библиотеки часто становятся настоящим местом притяжения жителей.

В 2022 году, благодаря национальному проекту «Культура», на Среднем Урале также появится четыре библиотеки нового типа. Одна из них – в Новоуральске – уже открылась. На обновление «Публичной библиотеки» было выделено три миллиона рублей из областного бюджета. Модельные библиотеки также появятся в Каменске-Уральском, Ревде и Талице.

Правительство Среднего Урала традиционно уделяет большое внимание данному проекту. Всего с 2019 по 2021 годы в регионе было создано 15 модельных библиотек: 10 – за счёт федерального, пять – за счёт областных бюджетов. Модернизация прошла в учреждениях Краснотурьинска, Серова, Верхней Пышмы, Берёзовского, посёлков Пышма, Билимбай и Студенческий, села Колчедан, а также ряда других территорий.

Напомним, что модельные библиотеки — это современные учреждения культуры, оборудование и информационные ресурсы которых позволяют наиболее качественно обслуживать читателей. В них создаётся уютный и комфортный интерьер, есть точки доступа к Национальной электронной библиотеке и электронной базе ЛитРес, регулярно обновляется книжный фонд.

Часто в таких учреждениях для читателей разного возраста организуются свои пространства. Например, юному поколению отводят специальное помещение, где можно проводить детские мероприятия, заниматься творчеством и играть в настольные и интерактивные развивающие игры. Отдельно обустраивают залы для мастер-классов и дискуссий, территории для тихого и уединённого чтения. Маломобильные группы пользователей могут беспрепятственно перемещаться по библиотеке, а актуальная литература для них расположена на уровне вытянутой руки. Удобная современная мебель также входит в понятие модельной библиотеки.

15 модельных библиотек создано в регионе

→ Серов

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА**

ул. Заславского, 23

Мультимедийное оборудование: сканер – 1, МФУ – 5, брошюровщик – 1, ламинатор – 1, ноутбук – 2, проектор – 2, экран – 1, принтер цветной – 2, интерактивная маркерная доска – 1, интерактивный сенсорный киоск – 2, шлемы виртуальной реальности – 10, минитипография – 1, акустическая система – 1.

Доступная среда: кнопка вызова персонала, тактильная напольная плитка для слабовидящих, звуковая и тактильная навигация, переносной пандус, сплит-система в зале мероприятий, тифлофлешплеер, ПК с проводными наушниками и микрофоном.

Концепция дизайна: коллаборация промышленного и лесного производства. Именно цвета металлургической и лесной промышленности – чёрный, зелёный и красный – делают интерьер библиотеки аутентичным и таким близким жителям Серова. Зона краеведения украшена кедром, который является элементом герба города, а светильники в холле выполнены в виде самолётов, так как город носит имя лётчика-испытателя, Героя Советского Союза Анатолия Серова.

Отделы: мультимедийный зал, зал мероприятий, литературная гостиная.

Проекты: Открытые краеведческие чтения имени Льва Иосифовича Дзюбинского, шахматный турнир, «Библиодесант» по сельским библиотекам, акция «Бессмертный книжный полк», акция «Свеча памяти», различные воркшопы.

Образована в **1913** году, в нынешнее помещение переехала в **1974** году, модернизирована в **2021** году

30 874 печатных книги
815 изданий периодики
90 посадочных мест
10 компьютерных мест

График работы:
пн-пт – 11:00-20:00
сб – выходной день
вс – 11:00-18:00

Красноуральск

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

бул. Мира, 3

Мультимедийное оборудование: МФУ – 3, сканер – 2, принтер – 3, проектор – 1, экран – 1, акустическая система – 1, микрофон – 3, наушники – 4, цифровая фоторамка – 2, интерактивная панель – 1, интерактивный стол – 1, флипчарт – 1, электронные книги – 2, планшет – 2, сабвуфер – 1, плазма – 3, очки виртуальной реальности – 1.

Доступная среда: пандус, широкие входные двери, металлические поручни на входной лестнице, таблички с названиями залов, продублированные рельефно-точечным шрифтом Брайля, тактильная мнемосхема помещения, пониженная стойка-барьер в гардеробе, световое информационное табло с бегущей строкой, мягкие посадочные места в фойе, наушники к ПК для читателей, пиктограммы, читательские столы для инвалидов, тифлофлешплеер.

Проекты: мастерская чтения, авторские поэтические и музыкальные вечера, детский компьютерный кружок «Пиксель», молодежный поэтический батл, фестиваль уличного кино, театральные мини-постановки, художественные выставки, виртуальный концертный зал, объединение «АРТ-волонтеры», Книжный бульвар.

Образована в **1945** году, в нынешнее помещение переехала в **2013** году, модернизирована в **2019** году

112 052 печатных книги
82 издания периодики
86 посадочных мест
10 компьютерных мест

График работы:
пн-пт – 11:00–19:00
сб – 11:00–17:00
вс – выходной день
санитарный день –
последняя пятница месяца

Красноуральск

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА им. П.П. БАЖОВА

ул. Янкина, 7

Мультимедийное оборудование: ПК, МФУ, принтер, графические планшеты, интерактивный стол, интерактивная песочница, документ-камера, очки виртуальной реальности, плазма, акустическая система, интерактивный бизикуб.

Доступная среда: навигация, подъёмник, рабочее место для слабовидящих, кнопка вызова персонала, лупы для инвалидов по зрению, тифлофлешплеер, ЭРУ, звуковой маяк А200.

Концепция дизайна: ориентирована на наследие П.П. Бажова. У входа читателей встречает ящерица, сидящая на большом валуне, а в приветственной зоне обновленной библиотеки – робот Данила.

Отделы: зал для мастер-классов, дискуссионный и компьютерный залы, зона тихого чтения, событийная зона, приветственная зона, зона детского чтения.

Проекты: «Уральское кино – молодежи Урала» (проект Андрея Ким), фестиваль «Раскрой свой мир – ты не один!», курсы компьютерной грамотности «Я познаю мир ПК», детский культурный форум, проект «Мобильная книга», клуб «Книголюбы» для инвалидов по зрению.

Образована в **1934** году, в нынешнее помещение переехала в **1971** году, модернизирована в **2021** году

23 110 печатных книг
2 470 изданий периодики
49 посадочных мест
10 компьютерных мест

График работы:
пн-пт – 10:00–20:00
сб – 10:00–18:30
вс – выходной день
санитарный день –
последний четверг месяца

Каменск-Уральский

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА им. А.С. ПУШКИНА

пр. Победы, 33

Мультимедийное оборудование: МФУ – 3, сканер – 3, принтер – 9, проектор – 4, экран – 3, плазма – 1, акустическая система – 1, интерактивная панель – 1, сенсорный стол – 1.

Доступная среда: пандус, навигация для слабовидящих.

Проекты: Городская библиотечная премия НОМО LEGENS, проект по развитию литературного творчества молодежи «Лит-Арт», Молодёжная неделя, Краеведческое общество, Мининские чтения, авторские экскурсионные маршруты.

Образована в **1899** году, в нынешнее помещение переехала в **1972** году, модернизирована в **2022** году

83 200 печатных книг
15 400 изданий периодики
115 посадочных мест
20 компьютерных мест

График работы:
пн-пт – 10:00–19:00
сб – выходной день
вс – 10:00–18:00
санитарный день –
последний понедельник

Пышма

РАЙОННАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ул. Куйбышева, 42

Мультимедийное оборудование: есть.

Доступная среда: пандус, навигация.

Отделы: книжная гостиная, книжный балкон, театральная мастерская, мастерская чтения, медиамастерская, художественная мастерская, инфоцентр.

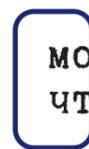
Проекты: Кукольный театр, показы фильмов, «Игротека в библиотеке».

Образована в **1949** году, в нынешнее помещение переехала в **1952** году, модернизирована в **2018** году

8 434 печатных книги
316 изданий периодики
120 посадочных мест
7 компьютерных мест

График работы:
пн-чт – 9:00–19:00
пт – 10:00–19:00
сб – 9:00–17:00
вс – выходной день

→ Талица

ТАЛИЦКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЙОННАЯ БИБЛИОТЕКА им. ПОКЛЕВСКИХ-КОЗЕЛЛ

ул. Ленина, 105

Мультимедийное оборудование: МФУ – 6, сканер – 2, проектор – 4, экран – 4, видеочкамера – 2, фотоаппарат – 2, микшерный пульт – 2, акустическая система – 3, плазма – 2, интерактивная панель – 1, информационный терминал – 1, интерактивный флипчарт – 1, аудиорекодер – 1, планшет – 1, микрофоны – 2.

Доступная среда: пандус, кнопка вызова персонала, навигация, портативный дисплей Брайля.

Концепция дизайна: библиотека как образ железной дороги, проложенной питейными королями Урала Поклевскими-Козелл.

Отделы: взрослый зал, детский зал, доступ к Президентской библиотеке.

Проекты: заседания районного Совета краеведов, «Библионяня», клуб юнармейцев, арт-челленджи, районный фестиваль «Славянская азбука».

Образована в **1898** году, в нынешнее помещение переехала в **1982** году, модернизирована в **2021** году

46 261 печатная книга
1 877 изданий периодики
130 посадочных мест
10 компьютерных мест

График работы:
пн-чт – 10:00-19:00
пт – 11:00-21:00
сб – выходной день
вс – 10:00-17:00

→ Берёзовский

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ул. Гагарина, 7

Мультимедийное оборудование: телевизор – 2, компьютер – 31, ноутбук – 6, принтер – 13, видеопроектор – 2, экран – 2, акустическая система – 1.

Доступная среда: пандус, навигация, отдельное место, оборудованное ПК, тифлофлешплеер КРУСТ.

Концепция дизайна: вдохновение – литературное творчество Рэя Брэдбери и Антуана де Сент-Экзюпери. Философские размышления о человеке в этом мире, взгляд в будущее, образы космоса – всё это создает пространство, в котором молодёжь находит точки опоры для развития, раскрывает свой потенциал и самореализовывается. Урбанистический шарм стиля лофт позволяет сочетать новые тенденции и старые приёмы как на уровне визуального оформления, так и на символическом уровне, подчеркивая и придавая новые смыслы и образы такому, казалось бы, консервативному пространству – библиотечному. Урбанистический дизайн отвечает характеру современных энергичных людей и становится продолжением динамичного ритма города в пространстве библиотеки.

Отделы: литературное кафе «Ракетное лето», событийная площадка «Марсианские хроники», взрослый абонемент «Зал Брэдбери», младший абонемент «Зал Экзюпери», Центр общественного доступа «Временной полет», молодёжное пространство «2257», зал занимательных наук «Правдивые истории», игровая «Планета Розы».

Проекты: бесплатные встречи для беременных, Воскресные читалки с мамой, «БиблиоЛето», «Ходи уже!», библиоволонтеры «Искорки добра», «Каникулы на стиле», литературная коллаборация «ДУХ: Душа, Ум, Характер», театральная марафон «Книга и театр», встречи с известными людьми «PRO_100», «Финансовая грамотность», праздник поэзии «Лучшее...», поэтический марафон «Вдохновлённые Пушкинской строкой», квартирник в К7.

Образована в **1936** году, в нынешнее помещение переехала в **1984** году, модернизирована в **2021** году

24 656 печатных книг
10 347 изданий периодики
119 посадочных мест
10 компьютерных мест

График работы:
пн – выходной день
вт-чт – 10:00-19:00
пт – 12:00-20:00
сб, вс – 10:00-17:00

↓ Берёзовский

БИБЛИОТЕКА СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ – ФИЛИАЛ № 8

ул. Красных Героев, 7

Мультимедийное оборудование: МФУ – 3, принтер – 1, проектор – 1, экран – 1, плазма – 2, компьютер – 3, акустическая система – 1.

Доступная среда: беспороговые проходы, пандус, кнопка вызова персонала, резиновая противоскользящая самоклеящаяся лента.

Концепция дизайна: библиотека как открытое общественное, интеллектуально нагруженное пространство, комфортное место индивидуальной или коллективной работы и творческой самореализации.

Отделы: молодёжное пространство «Крыло», зал выдачи литературы для всех посетителей, в том числе с ограничениями здоровья, игровая, площадка для проведения культурно-просветительских и социально-значимых мероприятий.

Проекты: литературный проект «Родничок», «Умелые ручки», художественная галерея, Студия рассказа, партнёрский проект «Юнармеец=Интеллектуал+Творчество», «ПРОФессииВокруг», «ARTIME», «Арт-ИНН-Фантази», инклюзивная студия телевидения «Компас ТВ», «Цифровая грамотность для пенсионеров», народные праздники по-семейному, «Я и PowerPoint», квартирник в Б7.

Образована в **1939** году, в нынешнее помещение переехала в **1979** году, модернизирована в **2019** году

27 270 печатных книг
12 215 изданий периодики
80 посадочных мест
5 компьютерных мест

График работы:
пн – выходной день
вт-пт – 10:00-19:00
сб, вс – 10:00-17:00

Верхняя Пышма

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ, БИБЛИОТЕКА-ФИЛИАЛ № 12

пр. Успенский, 18 (офис 21)

Мультимедийное оборудование: интерактивный комплекс – 1, интерактивная доска – 1, интерактивная сенсорная доска – 1, МФУ лазерный – 4, МФУ струйный – 1, плазма – 1, цифровое пианино – 1, вокальная радиосистема – 1, микшер – 1, активный сабвуфер – 1, акустическая система – 1.

Доступная среда: пандус, тактильная навигационная мнемосхема для слепых и слабовидящих, выполненная шрифтом Брайля.

Проекты: конкурсы рисунков, показ фильмов, мастер-классы, настольные игры.

Образована в **1972** году, в нынешнее помещение переехала в **2018** году, модернизирована в **2019** году

12 440 печатных книг
1 276 изданий периодики
50 посадочных мест
10 компьютерных мест

График работы:
пн-сб – 10:00–19:00
вс – выходной день

Билимбай

БИБЛИОТЕКА № 17

ул. Коммуны, 2

Мультимедийное оборудование: экран для проектора – 2, принтер лазерный/светодиодный – 2, планшет для рисования песком – 6.

Доступная среда: индукционная система для слабослышащих, пандус, вывеска о режиме рабо-

ты, выполненная шрифтом Брайля.

Проекты: Субботний кинозал, дискуссионные пикники, литературно-музыкальная гостиная.

Образована в **1936** году, в нынешнее помещение переехала в **1994** году, модернизирована в **2020** году

16 315 печатных книг
2 374 издания периодики
80 посадочных мест
4 компьютерных места

График работы:
пн – выходной день
вт-пт – 11:00–18:00
сб – 10:00–13:00, 13:30–17:00
вс – выходной день
санитарный день – последний рабочий день месяца

Ревда

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА им. А.П. ГАЙДАРА

ул. М. Горького, 24

Мультимедийное оборудование: ПК – 10, Smart TV – 2, интерактивная сенсорная книга – 1, интерактивный стол – 1, интерактивная песочница Small – 1, интерактивный пол «Светлячок» – 1, сенсорный настенный киоск – 1, мультстудия – 1, медиаплеер – 2, мэппинг – 1, сенсорный телефон – 2, МФУ принтер – 3, оборудование для студии звукозаписи – 1, интерактивный глобус – 1, интерактивная сенсорная панель – 2, игровая приставка – 1, планшет – 2.

Доступная среда: пандус, металлические поручни на входной лестнице, кнопка вызова персонала, таблички с названиями залов, продублированные рельефно-точечным шрифтом Брайля, световое информационное табло с бегущей строкой, мягкие посадочные места в фойе, водный диспенсер для раздачи воды, оборудованный санузел.

Отделы: Станция книжных открытий, Лаборатория игр и творчества, Подростковый интеллектуальный центр, модуль киберинформации.

Проекты: раннее литературное развитие дошкольников, чтения с театрализацией, блогер-студия, тренинги по безопасному Интернету, воскресные семейные встречи, квесты, мастер-классы, дни игр на интерактивном оборудовании.

Образована в **1964** году, модернизирована в **2022** году

32 041 печатная книга
3 500 изданий периодики
85 посадочных мест
10 компьютерных мест

График работы:
пн-пт – 9:00–19:00
сб – 9:00–18:00
сб – выходной день
санитарный день – последняя среда месяца

Студенческий

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ул. Мира, 23а

Мультимедийное оборудование: документ-камера – 1, интерактивный дисплей – 1, интерактивный проектор – 1, моноблок – 6, МФУ – 2 (ч/б и цветной), ноутбук – 4, планшеты – 5, принтеры – 2, телевизор – 1, фотоаппарат – 1.

Доступная среда: гусеничный подъёмник.

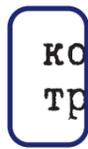
Проекты: литературный конкурс «Слово талантам», краеведческие видеокруизы, бесплатные курсы компьютерной грамотности для пенсионеров, дни настольных игр.

Образована в **1952** году, в нынешнее помещение переехала в **1973** году, модернизирована в **2019** году

11 892 печатных книги
620 изданий периодики
35 посадочных мест
6 компьютерных мест

График работы:
пн – 11:00–14:00, 15:00–19:00
вт-пт – 10:00–19:00
сб – 10:00–17:00
вс – выходной день

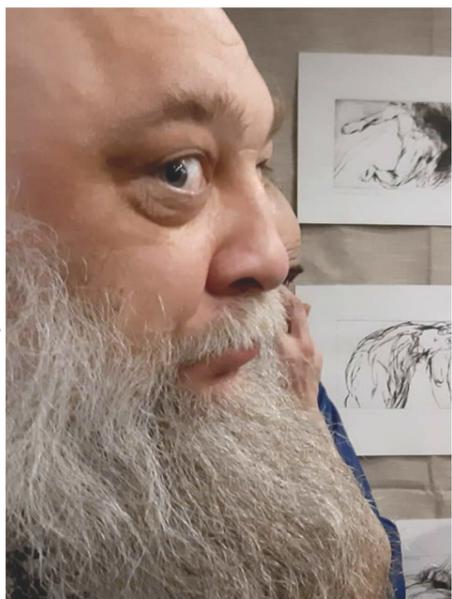
ПОХОЖДЕНИЯ ЛИТРЕЗИДЕНТОВ

11 ноября

18:00 «До востребования: три беседы с современными композиторами»: разговор о книге **Дмитрия Бавильского**

12 ноября

12:00 Круглый стол писателей и читателей «Книги для Выживания»: Алексей Сальников, Сергей Беляков, **Владимир Березин, Александр Чанцев, Дмитрий Бавильский**, Роман Сенчин

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН

Москвич Владимир Березин часто подписывает свои публицистические колонки «писатель-пешеход». Есть у него роман-странствие «Путь и шествие»: «Парадоксальный роман о философии путешествия, в котором герои постоянно движутся, рассказывая друг другу то смешные, то трагические истории и попадая в ситуации не менее смешные или

трагические. Роман, не похожий ни на что и отсылающий к сотне всем известных сюжетов».

И путевой роман «Дорога на Астапово», который рассказывает о том, «как четыре главных героя – Писатель, Архитектор, Краевед и Директор Музея – отправляются по знаковому для русской культуры маршруту из Ясной Поляны к месту смерти Льва Толстого на станции Астапово».

В Екатеринбурге Березин был, правда, в прошлом веке, в 90-е, по приглашению конвента писателей-фантастов «Аэлита». Его впечатления от той поездки, опубликованные в последней книге автора «Необычайное: Критика, публицистика, эссе», мы приводим ниже. А в этом году ждём новые, которые непременно издадим в следующем выпуске Путёвого журнала «По Уралу».

Но не стоит забывать, однако, что кроме романов с травелогической составляющей у Владимира Березина много других достойных книг. Биографии инженера Виктора Полякова и писателя Виктора Шкловского, вышедшие в серии ЖЗЛ. «Диалоги. Никого не хотел обидеть», где автор собрал и записал свои беседы с разными людьми. Фрактальный роман «Он говорит»: «Новая книга кажется собранием необязательных баек, которыми перекидываются мужики в общей палате травматологического отделения больницы. Но за как бы несерьёзной формой стоит мощная традиция – от «Декамерона» Боккаччо до «Нашего Декамерона» Эдварда Радзинского, от средневековых фацеций до «Современного патерика» Майи Кучерской, которая держит автора и не даёт его героям заболтаться».

Роман-пародия «Птица Карлсон» (роман о летающем человеке). Книга вышла сразу в двух редакциях, «мужской» и «женской», которые немного отличаются обложками и содержанием.

«Знакомый нам с детства Карлсон неутомимо меняет гоголевский тапантас на пилатовский бархатный плащ с кровавым подбоем, бороду Черномора на гриб и трубку кэрролловской гусеницы, серую пелену гамлетовского призрака на дорожный наряд хоббита, бэрри-морский костюм на дарёный за ячий тулуп, межпланетный аппарат красноармейского разведчика на вырезанное тело деревянной куклы, и так до бесконечности».

На Библионнале можно будет по вменяемой цене приобрести последнюю книгу автора «Необычайное». За неё в этом году Владимир Березин получил специальный приз «За вклад в развитие критической мысли» премии «Неистовый Виссарийон». Это не просто сборник эссе на тему фантастики, а целая энциклопедия, посвящённая «мифологии советского». Здесь трилогия Николая Носова о Незнайке рассматривается как утопия, и можно узнать, допустим, какое место в русской литературе занимал «образ таракана».

ДМИТРИЙ БАВИЛЬСКИЙ

Дмитрий Бавильский живёт на два города: Челябинск и Москву. Его по праву можно считать создателем «Челябинского текста», именно в этом городе разворачивается действие большинства его книг: «Семейство паслёновых», «Едоки картофеля», «Ангелы на первом месте» и последнего романа «Красная точка», где вместе с главным героем Васей Бочковым читатель проходит через 70–80–90-е годы XX века.

«Он занят, – пишет про Бавильского критик Ольга Балла, – разведыванием, картографированием того самого, почти (или вовсе?) не попадающего в фокус культурного внимания места, – широкой размытой границы, ничейной сумеречной зоны между телом и душой – между сном тела и явью души, – где зарождаются все внутренние, в том числе и интеллектуальные события. Но интеллектуальное тут – при всей внимательной, даже въедливой умственности прозы Бавильского, – как ни удивительно, не самое главное. Важнее всего – пластика самого существования...».

Его травелоги, например «Музей воды. Венецианский дневник эпохи твиттера» и «Желание быть городом. Итальянский травелог эпохи твиттера в шести частях и 35 городах», имеют как минимум три способа прочтения. Читатель волен выбрать любой, что твой витязь на распутье: прямо пойдёшь – прикладной путеводитель получишь, направо – сборник искусствоведческих эссе, налево – исследование законов восприятия современного индивида.

Несколько лет подряд Дмитрий Бавильский входил в шорт-лист премии «Неистовый Виссарийон», в 2020 году взяв спецприз «За творческую дерзость». Его диапазон критика настолько широк, что на площадке библиотеки им. В.Г. Белинского заставить писателя будет трудно. Всё больше на параллельных площадках: в галерее «Синара Арт» и Музее андеграунда.

АЛЕКСАНДР ЧАНЦЕВ

Москвич Александр Чанцев, писатель, критик, автор 700-страничного сборника статей «Ижицы на сюртуке из снов: книжная пятилетка», японоведа, постоянный шорт-листер премии «Неистовый Виссарийон», приедет в Екатеринбург впервые. Читающей молодёжи он известен как специалист по Мисиме и Лимонуву. Но знает он «пугающе много», как отмечала критик Ольга Балла. Среди его постоянных внутренних собеседников – Эмиль Мишель Чоран, Антонен Арто, Джим Моррисон, Егор Летов, Сильвия Плат.

«Теперь, когда подлинная творческая активность становится делом честным и сугубо частным, – пишет о Чанцеве Дмитрий Бавильский, – маргиналы и извращенцы трансгрессии, которых автор «Ижиц» привечает с школьных времен (отдельный респект за «верность себе»), становятся подлинными культурными героями. Благодаря в том числе и младомодернистам, среди которых Александр Чанцев находится в самых первых рядах».

«Чанцев практикует самоизобразительный путь самурая в литературе», – считает критик Ольга Девш.

При обсуждении программы пребывания в нашем городе Александр предпочёл в первую очередь экскурсии по конструктивизму и местам, связанным со свердловским роком. Его травелоги визуально представляют собой пронумерованные списки точных и ярких наблюдений: моментальных пейзажей, ми-

молётных ощущений, афористичных обобщений.

Например

Маки и красная земля Магриба, часть I

Год и 2 месяца с моей последней поездки – в Танзанию (пока она не стала всесоюзной здравницей ещё). Тут выбирал между Эфиопией (понервничала мама очень), Намибией (на майские уже на дачу) от Afrotravel – и везде сложная логистика. И лайт-варьянтом – Марокко.

Ничего о земле Боулза, Берроуза и прочих достойных людей прочесть не успел, еду просто – ограниченным туром, с мини-группой. 2 недели, 3000 километров, океан, пустыня, берберский замок, горы Атласа. Касабланка, Марракеш и Фес – где писались и снимались U2 во времена Mysterious Ways (в 90-е) и во времена Magnificent.

Списки-травелоги могут превышать и 100 пунктов. Интересно, во сколько уложится для Александра Чанцева Екатеринбург?

14:00 Встреча «Всё то, что вас заставляли читать в школе и что казалось скучным, на самом деле – скандалы, интриги, расследования» от **Владимира Березина**
15:00 Лекция **Александра Чанцева** «Мой Мисима» + разговор о современной японской литературе, языке и культуре
15:00 Воркшоп «Ошибка рецензента» от **Дмитрия Бавильского**

13 ноября
15:00 Открытие программы «Литературный андеграунд»: лекция **Дмитрия Бавильского** «Суровый стиль. Художник в провинции»

14 ноября
18:00 Лекция **Владимира Березина** «Современные мемуары и мемуары прошлого: как они устроены?»

СЛОВО ОБ «АЭЛИТЕ»

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН
писатель, критик, литрезидент
Библионале#наУрале № 1

*С рёвом и громовым грохотом
гигантское яйцо запрыгало
по кактусовому полю.
Алексей Толстой «Аэлита»*

Романы Алексея Толстого «Аэлита» (1923) и «Гиперболоид инженера Гарина» (1927) на многие годы определили канон фантастики – в космосе и на земле.

В первом двое путешественников в медном яйце летят на Марс и устраивают там революцию. Один из них влюбляется в дочь правителя Марса, Аэлиту, и, вернувшись на Землю, только слышит её голос по радио. Марс Толстого – это киберпанк, как напоминают нам ценители: высокие технологии на фоне нищеты и разрухи, – и в романе это было будущим, что для просвещённых советских путешественников превратилось в прошлое.

Как не любить этот знаменитый роман, в котором есть выражение «Летело, летело пространство времени!»

Именем Аэлиты называли пионерские отряды и молодёжные кафе.

Горячие кавказские мужчины давали его своим дочерям, и оно, это имя, составляло достойную конкуренцию шекспировским Офелиям.

Получил это имя и чуть не первый отечественный конвент.

Задуман он был ещё в олимпийском 1980 году, а на следующий, 1981-й, когда планировали просто вручение премии (если я не ошибаюсь, в первый раз её получили антагонисты – братья Стругацкие и писатель Казанцев), вышел конвент.

Урал – вообще литературное место, а в ту пору в Свердловске жил Владислав Крапивин. А ещё там выпускался знатный журнал «Уральский следопыт», наследник «Всемирного следопыта», знаменитого журнала двадцатых. Не знаю, как у него дела сейчас, но тогда с конвентом он был связан накрепко.

В середине восьмидесятых фестиваль вроде как запретили, но тут подросли перестройка с ускорением, и «Аэлита» вступила в свой золотой век.

Потом, правда, настали девяностые, начали умирать главные люди конвента, и я, попав туда, вдруг очутился в пустынной редакции «Уральского следопыта». Был поздний вечер, кажется.

Не было даже электричества.

Чем-то это напоминало какой-нибудь революционный год.

Ещё в девяностые начали строить церковь на месте дома Ипатьева. Она строилась и строилась, но для приезжего человека, нечасто бывающего в городе, изменения были заметны.

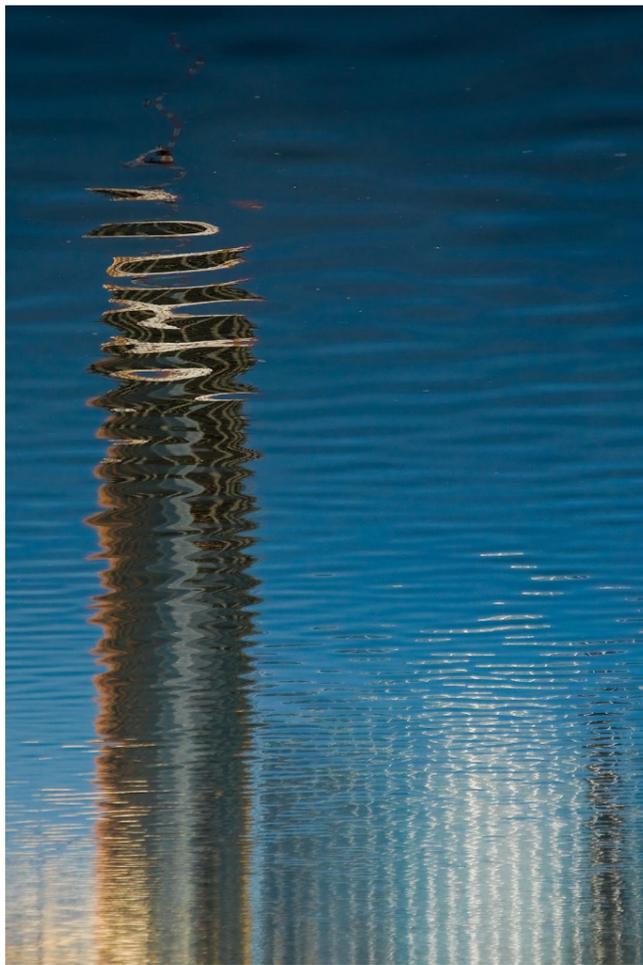
Город был суров: не в каждом городе убивают царя.

Те люди, что делали конвент, тоже мне казались суровыми: я внутренне ощущал, что они бьются за свою традицию, за своё детище.

Денег у них, разумеется, не было, и вот этого я как раз понять не мог. Поскольку на каждом конвенте давались награды и премии, уральский их

вариант был особенный – композиции из местных камней, – и мне казалось, что в какой-нибудь голодный год они не дадут лауреатам сгинуть. Из этого великолепия всегда можно наделать колец и брошей на великие деньги. Драгоценных камней в суровом городе было множество: я забрёл в зоопарк и обнаружил, что клетки отделаны чуть ли не яшмой. За разными зверями (судя по табличкам) наблюдали какие-то группировки с невероятными названиями.

Как-то вместо обсуждения путей развития фантастики я поехал по кладбищам. Ходил там по аллее героев – чёрные обелиски во весь рост торчали из тающего мартовского снега. Парни на них стояли естествен-

но – как стояли в жизни. К одному на отдельной тумбе был приставлен тщательно вырисованный «мерседес». У могилы другого известного человека висела на виду видеокамера, будто глазок домофона – изображение, правда, передавалось не хозяину. Оттого некоторые посетители кладбища приходили в надвинутых на всё лицо капюшонах.

Вот это была фантастика – не знаю уж, как там сейчас, но тогда я даже начал складывать в голове сюжет про эту камеру.

Пространство Урала было полной мистикой. Про перевал Дятлова говорили глухо, тема ещё не вырвалась на волю по-настоящему, когда всякий фантаст считает своим долгом написать про это рассказ (даже я это сделал). Больше обсуждали Пермскую зону и южно-уральского карлика из Кыштыма, более известного как Алёшенька.

Сюжеты тут сходились, как части света.

Впрочем, потом я поехал с фантастами на границу Европы и Азии – конвент из-за близости этой границы всё пытались называть «евразийским». Екатеринбург находился именно в Азии, а не в Европе.

Фантастов высадили у придорожного обелиска в лесу, и некоторые стали примериваться, как на него забраться. Обелиск был гладкий, очень высокий и недостижимый как всякая граничная точка.

Через несколько дней после «Аэлиты» там проходил фестиваль рок-левиков «Веркон».

Перед отъездом я говорил с эльфами. Собеседник мой был, правда, больше похож на выдавшего виды гнома. Девушка его стояла рядом – довольно милая и обильно татуированная, что тогда было редкостью.

Заговорили о календаре, и я спросил, когда праздник. Подруга эльфа ответила, что 6–7 апреля. Тот одёрнул её и возразил, что определённо 29 марта. Пришёл третий, высокий и худой, прислушался и заявил, что не шестое число, а шестой день четвёртого месяца по календарю хоббитов. Они заспорили о трактовке нуменорского календаря и о том, что об этом было у Алдариона, и обратились к четвёртому.

Тот вытащил толстую тетрадь, похожую на амбарную книгу, и стал читать по ней, что год високосный будет соответствовать високосному у эльфов, и дата будет 27 марта, но даты для пересчёта сдвинутся на три дня, и после будет 29, а за ним опять 28; он дошёл, кажется, до шестнадцатого, что снова будет високосным и последним в четырёхнадцатилетнем цикле. С уважением смотрел я на этих людей, на их арифметику равноденствия, хоть и полагал, что датами их встреч больше рулят не звёзды, а расписание школьных каникул.

А потом я попал в Казань, на «Зиланткон», и вот там увидел этот мир во всей полноте.

Но это было именно потом, а пока я пошёл слушать дискуссию о соотношении литературы и фантастики.

Сейчас кажется, что это своеобразный юмор, вроде спора «возможна ли дружба между юношей и девушкой». Но нет, там всё было серьёзно (впрочем, как и в спорах о дружбе полвека назад). И это напоминало другие яростные споры – в Учредитель-

ном собрании. Причём в момент, когда матрос Железняк поднимается по лестнице. Спор, кто лучше – написавший о космических пауках Н. или написавший про драконов М., – был один в один похож на дискуссию о том, что более конструктивно, предложение октябриста Н. или кадета М., до того как Железняк распахнул двери.

Ситуация осложнялась следующим: критики из толстых журналов и кolumnисты обратили внимание на фантастику, вернее, на лейбл «фантастика», в тот момент, когда корпорация под этим лейблом уже прошла своё акме и благополучно скомпрометировала себя 499 романами про космических пауков в год (один номер я оставил на случай, если кто-то обиженно скажет: «А как же наш гениальный N?»).

Естественное запаздывание в культу-

ре: нечто потеряло силу ровно в тот момент, когда эту силу обнаружили. Будто американский коммунист-романтик, воспевающий «великий эксперимент» в СССР, когда советская власть уже уволила революционную романтику за выслугу лет, Малевич умер, а Маяковский застрелился. Мы о чём-то спорили со старичками, но власть переменилась.

Побежали по улицам солдаты и матросы массовой культуры: винтовка – одна на отделение, половина новобранцев не доедет до фронта, а из доехавших большую часть выкосит в первом бою.

Всем предстояло гореть в адовом огне снижения тиражей, исчезновения традиции чтения и стука писательских зубов о полку.

Но знакомцы мои были прекрасны, все милы, и речи наши яркие.

Рядом лился бетон в основание храма на крови, строился город, ложились набок заводы, и я ощущал это движение.

Город был велик, он порос литературой, как Урал лесами.

Мои родственники работали на «Уралмаше», но уже давно поселились на кладбищах – задолго до появления там чёрных обелисков с «мерседесами».

Видеокамер над ними не висело.

Мир был жесток и справедлив ко всем.

Даже к фантастам.

Аркадий Ачитов
«Моё новое
красное платье»
2019, холст,
масло, 120×60

Отсыл к старинному свердловскому анекдоту про памятники на проспекте Ленина: «Киров кричит Свердлову: «Яша, спроси, Ильича, где он пальто покупал?» «Ильич, там Киров интересуется, где ты пальтишко брал?» «В «Пассаже», Яша. В «Пассаже»»...

ЕКАТЕРИНБУРГ ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА ТРЕТЬЕГО РИМА

**АЛЕКСАНДР
ГРЕФЕНШТЕЙН**

Молодости бунташной
старый заклятый друг,
Призвание и наказание –
Екатеринин бург.
Где камни и руды скрыты
до срока во чреве земли,
Он, зачатый в совокупленьи
золота и брони,
Встал у разлома Евразии
(вдали от иных границ)
Как горный город, знатнейший
меж провинциальных столиц.
Потаённый, снесённый, взнесённый
среди чёрной тайги и скал,
Собственным словом и делом
он славу свою взыскал.
Четвёртый в российском ранжире,
дожидный идеал,
В узел Европу с Сибирью
и с севером юг связал.
Обрезав солёные уши,
он строил, ваял и лепил
На старообрядческих рёбрах
жгут конструктивистских жил.
В нём сплелись воедино
и святость, и смертный грех:
Расстрелянная Империя
и приговорённый Рейх.
Этот каменный гнёт истории
в душе и на сердце лежит,
Тридцатых кровь и девяностых
по жилам его бежит.
Сквозь все миражи, отрешённо,
в свинцовые небеса
Полуторамиллионный он
вперил свои глаза,
Где солнце гладит украдкой
кончики мойровых спиц
Сплетающих пёстрые нити
судеб, наречий и лиц.
Власти опора и фронды
прославлен он, клят, и заклят;
Немые муралы Урала
голос его хранят.
Кажущийся неизменным,
как истинный диафанит,
Каждого собственной грани
отблеском он одарит.
Мне же он дорог тем, что
здесь я был молод, и мог
В ладони нести на свидание
первый зелёный листок.
Тем, что на всех перепутьях,
в любых кабаках и домах
Гранита вкус и майонеза
горчит на бескровных губах.
Что слышу в любом аромате,
рождённом на этой планете,
Минорные ноты весенней
черёмухи и Исети.
И вписано в вечные книги
как время и место моё,
Воззвание и назидание –
город на букву «Ё».

ДМИТРИЙ БАВИЛЬСКИЙ

писатель, арт-критик, литрезидент
Библионнале#наУрале № 1

Жители провинции, вроде моих родных челябинцев, приезжают в соседский Екатеринбург по какому-то конкретному надобам, доступным только в метрополии.

Ну, там, в консульство, к офтальмологам, не опоздать на чартер из Кольцово, в оперу или к Коляде, из-за чего сам город расплзается до панорамы, схваченной беглым взглядом, либо упирается в тупик цели.

Высокомерие коренного челябинца понять легко: когда третий город страны находится слишком близко (меньше двухсот км), значит, примерно там всё то же самое, что и у нас, за исключением метро.

А его, ну, подумаешь невидаль, у нас, в столице Южного Урала, тоже копают. Рано или поздно запустят, конечно, чтоб не хуже, чем у других.

Челябинцы охотно делятся на две противоположных, московско-ориентированных и питерски-ориентированных партии, но определяться отношением к тому, что к нам ближе всех других городов, кажется странным. Избыточным что ли...

А зря. Большое видится на расстоянии, и значение Екатеринбурга лично мне удалось разглядеть лишь после переезда в Москву. Из неё все прочие столицы и города выглядят какими-то равноудалёнными. Кроме Питера и, кстати, Ёбурга – как стихийно образовавшегося анти-Питера, между прочим.

оторваться от этого нереального вида (к тому же это был просто идеальный летний солнечный вечер).

В общем, мы чудесно посидели, я вернулся в гостиницу и предался своему обычному занятию – бесцельному блужданию по интернету. Случайно наткнулся на знакомую мне ещё с детства песню «Какое мне дело до вас до всех» из советского фильма «Последний дюйм». Ещё тогда, в детстве, меня поразил глубокий и какой-то очень странный тембр голоса Михаила Рыбы. И вот сейчас я снова услышал эту песню и, как говорится, запал. Прослушал её несколько раз. Удивительный голос и удивительный текст – совершенно нелогичный, даже абсурдный, местами производящий впечатление набора слов. И в то же время в этом коротком и вроде бы почти бессмысленном тексте сказано чуть ли не вообще всё о человеке, о жизни и смерти. Да, вот как-то так. Почему так получилось – неизвестно (как и всегда бывает с настоящим искусством).

Я понял, что должен что-то об этом написать. Вышел из гостиницы, купил в соседнем закрывающемся ресторане бутылку самого популярного русского народного напитка, вернулся в номер и, прихлёбывая напиток, написал вот это стихотворение.

КАКОЕ МНЕ ДЕЛО ДО ВАС ДО ВСЕХ

ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ

писатель, поэт, председатель жюри премии
«Неистовый Виссарион» (2022)

Вечер 3 июня у меня получился поистине прекрасным. Я прилетел в Екатеринбург, заселился в гостиницу (по-новому она называется, кажется, Savoy, а по-старому – «Центральная»), и мы с Леной Соловьёвой пошли обедать в небоскрёб «Высоцкий», позже к нам присоединился Евгений Иванов. Из тамошнего ресторана, как известно, открывается фантастический вид на Екатеринбург. Наконец, только в четвёртый приезд, мне удалось по-настоящему рассмотреть этот город. Процесс еды и выпивания то и дело прерывался фотографированием, потому что очень трудно было

СБЫВШИЙСЯ ЕКАТЕРИНБУРГ

ТАТЬЯНА РИЗДВЕНКО

писатель, участник Екатеринбургского книжного фестиваля «Ориентальный вектор» (2021)

Этот город я себе намечтала. Сейчас пробую проделать подобное с Томском...

Екатеринбург прошёл для меня в счастливом тумане. Поймала бессонницу, а заодно не вписалась в скромную разницу во времени. Приятной расплывчатости впечатлений способствовала эйфория: я так давно мечтала попасть сюда, а оно всё срывалось, не получалось... В тучные нулевые я работала в креативном отделе РА, ключевым клиентом которого был косметический гигант из Екатеринбурга. Командировки на Комсомольскую, 80 были делом привычным, но я всё время пролетала, и летел кто-то другой. Тем сильней и злей мне сюда хотелось. Чего проще – купить билеты да приехать, но, по сумме обстоятельств, у меня это так не работало.

И вот, силой мечты, мы с Аней Голубковой прилетели в Екатеринбург на книжный фест. С корабля на бал, нас повели обедать и изумляться в башню «Высоцкий».

Оставшиеся два дня по утрам и вечерам я буду смотреть на неё из окна своего номера, в последний день – сквозь метель. А пока – ранний вечер, мороз, большой город в золотых и розовых дымах, горы по горизонту, петля реки Исеть. Название, на мое ухо, находится уже в другой языковой метрике (как и Сысерть, Пышма...)

Из «Высоцкого» пошли в Белинку. Где-то здесь (там) между колоннами спрятан кусок моего сердца: не помню более красивого и дружелюбного пространства, плюс его уютная огромность. К третьему-то дню я немножко начала здесь ориентироваться, а вот на второй день, разыскивая нужный зал, пришлось косплеить Семёна Фараду. Меня спас высокий в очках читатель: хвала библиотечным порядкам, он вышел в коридор поговорить по телефону. И отвёл, показал.

Полюбилась наша прекрасная гостиница Центральная. Где я, при полном параде, будила Аню Голубкову вместо 8 часов в 4, чтоб идти на раннее интервью к радищикам. Милый, с высокой концентрацией хороших работ Музей наивного искусства. Наши там фем-чтения. Промышленная биеннале (произнесите три раза, попробуйте на вкус ритм, тягучие сдвоенные нн). Одна из её площадок – действующий завод, уступивший часть площадей арт-пространству. Мы бродили такие с экскурсией, а за прозрачной перегородкой что-то ездил, дышало, работало. Волшебная арт-сессия в художественной мастерской: работники пера читают, кисти – их рисуют.

В какой-то момент я пошла сама-одна по Либкнехта, радостно вращая головой, сворачивая, разглядывая, читая, дивясь несходству Екатеринбурга с другими виденными мною гигантами. Его уверенной мощи, шири, раскидистости. Конструктивизм. Тёплые островки деревянного модерна. Красивые люди. Есть, конечно, и общие места входе магазинов «Магнит» и «Красное и белое».

Что не вспоминается совсем (я себя принудила ради правды и истории): маски, под которыми потеют очки, куаркоды, которые предьявляли везде, включая ТЦ, и вкусную пивную на площади, – строже, чем в Москве.

Ещё деталечка про Екатеринбург. Знакомые всё лица. Не только в смысле фейсбука. Простите, а вы не играли в «Последней милой Болгарии» Алексея Федорченко? Да, играл. (Драматург Семён Вяткин).

Одним из самых ярких екатеринбургских впечатлений стал Драмабатл в Белинке. Актеры читали монологи, написанные драматургами. На фрагменте из Керен Климовски (про охранника и тюленя) в исполнении Сергея Фёдорова маску пришлось натянуть до бровей, чтобы под ней предаваться чувствам.

...И снова: «Ах, простите, это не вы снимались в «Последней «Милой Болгарии»?»

Такой город.

Аркадий Ачитов
«Корона Урала»
2019, холст, масло, 80×50

Картина с загадками. Надпись на короне гласит «NOSTRA URALUS BASIC ORE POTENTIA». В вольном переводе с латыни она означает «Наш Урал – опорный край державы». Остальное разгадывайте сами.

УРАЛ ВПЕРВЫЕ БОРИС ПАСТЕРНАК

Без родовспомогательницы, во мраке, без памяти,
На ночь натываясь руками, Урала
Твердыня орала и, падая замертво,
В мученьях ослепшая, утро рожала.
Гремя опрокидывались нечаянно задетые
Громады и бронзы массивов каких-то.
Пыхтел пассажирский. И, где-то от этого
Шарахаясь, падали призраки пихты.
Коптивший рассвет был снотворным. Не иначе:
Он им был подсыпан – заводам и горам –
Лесным печником, злоязычным Горынычем,
Как опий попутчику опытным вором.
Очнулись в огне. С горизонта пунцового
На лыжах спускались к лесам азиатцы,
Лизали подошвы и соснам подсовывали
Короны и звали на царство венчаться.
И сосны, повстав и храня иерархию
Мохнатых монархов, вступали
На устланный наста оранжевым бархатом
Покров из камки и сусали.

Тяжелым басом гремит фугас
Ударил фонтан огня
А Боб Кеннеди пустился в пляс
Какое мне дело до всех до вас
А вам до меня

Мы смотрим новости
Мы смотрим новости
О военных действиях
Мы обсуждаем
Военные действия
Мы высказываем
Свои мнения

Кто-то думает
Что одни правы
А другие виноваты
Кто-то думает
Что всё ровно наоборот
Кто-то считает
Что всё это сложная
Геополитическая игра
Кто-то полагает
Что всему человечеству
Скоро придёт конец

Трещит земля как пустой орех
Как щепка трещит броня
А Боба вновь разбирает смех
Какое мне дело до вас до всех
А вам до меня

Кто-то говорит
Что во всём виноваты англосаксы
Кто-то говорит
Что во всём виноваты русские
Кто-то говорит
Что во всём виноваты
Влиятельные семьи

Европейских аристократов
Кто-то говорит
Что во всём виноваты
Евреи
Ты что, дурак совсем
Какие евреи
Да, евреи
А кто-то считает
Что во всём в мире
Вообще во всех бедах мира
Виноваты китайцы

Но пуля-дура вошла меж глаз
Ему на закате дня
Успел сказать он и в этот раз
Какое мне дело до всех до вас
А вам до меня

И люди продолжали обсуждать
Кто виноват и кто прав
И кто всё устроил
И кто будет
Главной жертвой
И вдруг услышали
Эту песню
Эту странную песню
Этот неестественно
Глубокий голос
Эти странные слова
Про Боба Кеннеди
Правильно ведь
Кеннеди
Люди услышали эту песню
Прислушались
Классная какая песня, да
Да, офигенная
Что-то в этом есть
Это что, советская?
Надо же

Как это смогли
Тупые совки
Такую хорошую песню
Придумать
Офигеть, да
А голос какой
Давайте ещё раз послушаем
Давайте, ребята, выпьем
Ну, ну, что ты там
Хлюпаешь носом
Давайте, давайте выпьем

Простите солдатам последний грех
И в памяти не храня
Не ставьте над нами печальных вех
Какое мне дело до вас до всех
А вам до меня

Молодые люди, простите
Бар закрывается
Да, да, уже уходим
Сколько там с меня
Три тысячи, ого
Ни хрена себе
Ну ладно
А песня хорошая, да
Офигенная песня
А чаевые
Можно по карте
Да, хорошо, спасибо
Какое мне дело до вас до всех
Да, действительно
Красиво, красиво
Даже не верится
Что в совке такое сделали
Не слышал, не знал
До свидания, да
Спасибо, спасибо
Всего доброго

Ну давай, да
Давай
Не, я к себе
А ты куда?
Могу через тебя проехать
Да, давай, хорошо, спасибо
Пока, чуваки
Давайте, давайте
Хорошо посидели
Давайте

Тяжелым басом гремит фугас
Ударил фонтан огня
А Боб Кеннеди пустился в пляс
И Фёдор Ермолов пустился в пляс
И Богдан Кириленко пустился в пляс
И Войцех Ковальски пустился в пляс
И Ласло Фаркаш пустился в пляс
И Тудор Попа пустился в пляс
И Жан Леруа пустился в пляс
И Пабло Суарес пустился в пляс
И Тим ван Дален пустился в пляс
И Тор Бьорндален пустился в пляс
И Аки Мацуо пустился в пляс
И Вэньмин Чжао пустился в пляс
И Ринат Ахметзянов пустился в пляс

Все они вместе пустились в пляс
В страшный совместный пляс
Какое мне дело до всех до вас
Какое мне дело до всех до вас

А впрочем ладно
Чего уж там
Не стоит сходить с ума
Какое мне дело до вас до всех
А вам до меня.

ПАМЯТНИК С СЕКРЕТОМ

Новый уральский сказ о вещах любопытных, но не всегда долговечных

С памятниками всегда так: то их ставят, то их сносят. Беспокойная у них монументальная жизнь, и истории, с ними связанные, порой очень причудливые.

Так из глубин веков повелось: одно поколение торжественно открывает свои памятники, цветы возлагает, почётный караул обеспечивает, чуть не молится на них. Путешественникам и чужестранцам их в обязательном порядке с гордостью показывают... Приходит другое поколение, и шабаш. Приоритеты, вкусы, общественные и духовные ценности, герои, политические пристрастия – всё вдруг меняется, и первым делом достаётся почему-то сразу памятникам. И вид они портят, и не там стоят, и с художественной точки зрения срамota, и вообще в честь каких-то недостойных личностей установлены, прославляют почём зря упырей, палачей, прохвостов и давно разоблачённых небожителей.

А значит, что дальше? Всё по сценарию, известному со времён покоренья Рима и Крыма. Деятельные потомки начинают памятники предков всяко осквернять. Золочёные высеченные буквы поверх хулительными надписями с пещерным азартом испещряют, шутовские колпаки на честно обсиженные птицами головы статуй напяливают. А там и совсем с пьедесталов сбрасывают. Ладно ещё, если переносят на потеху в какой-нибудь типа заповедник: свозят в отдалённые уголки парков, где водятся культура с отдыхом. Чаше проще поступают: подцепят тросом за торс в каменном пальто, а не то пиджаке, и хлобысть со всего маху о мостовую, да ломанами и кувалдами крошат под свист и улюлюканье на мелкие кусочки. Или в переплавку отправляют.

Потом, понятное дело, новые изваяния ставят. Правильные. Ну, до поры, до времени. Что интересно, уродцы-то те ещё выходят в большинстве проектов, гуще прежних. Стало быть, старые мешали, а на смену появившиеся так себе украшают городской пейзаж, ландшафт, среду и вдобавок пространство, как теперь говорится, мегаполисов, скорее, портят сызнова.

Часть преставились, разумеется, сохранились лишь на фотографиях. Какие сами развалились (одновесельные пловчихи и шахтёры с забойными молотками на плече гипсовые были, в основном), другие же оказались подлежащими сносу в силу разных причин. Кто некогда царствующим персон олицетворял несвоевременно, кто даже оскорблял внешним видом не всегда чуткое

к прекрасному население. Особенно жаль местного Давида-Аполлона, в духе европейских традиций исполненного на заре революции. Хорошо сложенный мужчина эффектно разрывал цепи прямо в центре главной площади, символизируя тот факт, что пролетариат освободился-откинулся. Как и положено Гераклу-Антиною, был он совершенно не одет. И хотя автор намекал, что, мол, трактовать скульптурную композицию надо в аллегорическом смысле, это так эксплуататоры обобрали трудящегося человека до нитки, памятник обозвали Ванькой Голым и вскоре утопили в пруду. И след его простыл. Там теперь Ленин стоит, покамест. Здесь вам всё-таки Азия, в Венгрии может рядом с мэрией к ней попою фигурировать скульптура девицы без всего – и ничего, а на Урале до такого потепления нравов дело ещё не дошло.

Новопоставившиеся, так скажем, памятники у нас в связи с последней сменой эпох взяли, глав-

ным образом, курс на прославление торговли и коммерции, и глаз стали радовать определенно не все. То банкира толстопузого с его кабриолетом поставят, то коробейника, прародителя «представителя канадской компании» водрузят, даже кредитной карточке небольшой мемориал соорудили. Иные же статуиных дел мастера успешно на ниве воинской доблести, вселяя законную скорбь в сердца, принялись промышлять. Только успевай рода войск и модели автоматов менять. Один, тоже молодец, павших на стрелках криминальных бойцов одной рукой мастера умудрялся в пышных некрополях увековечивать, а другой – поэта Пушкина, Урал никак не воспевшего, зачем-то лепить. Доводилось встречать и совсем удивительного ваятеля. Он специализировался исключительно на избраниях убиенного Николая Второго и на памятниках надгробных. Фамилия у скульптора была подходящая – Гробов.

Встречались среди этих нелепиц, не будем лукавить, иногда памятники, на которые было приятно глазеть. Но оригинальных всё равно до обидного мало. Памятник технологическому прогрессу в форме компьютерной клавиатуры – раз, памятник Человеку-Невидимке, как бы оставившему отпечатки своих ног на постаменте, – два, и плюс монумент трём, реально проживавшим, – двум, на момент установки проживающим в граде Екатерины, – художникам. Расположили их в сквере стоящими втроём кружком, они как бы собрались не то выпить, не то поговорить о судьбах русской живописи, а то и совместить приятное с полезным. Добавился к ним со временем и ещё один прелюбопытнейший памятник. И вот как это получилось. Расскажем, чего уж там, ставить памятники – занятие не такое уж простое, не каждому выпадает случай, да и то раз в жизни.

Служил однажды один человек, звали его Евгеша, в клубе, в новой транскрипции – в Центре культуры, хотя и на окраине находившемся. Досуг помогал разнообразить местным жителям. И дают ему как-то задание. А устрой-ка ты нам, милый затейник, массовый праздник ко Дню города – распорядилась дирекция. Парень Евгеша был креативный. Придумал целое шоу. Урал – край испокон инициативы Демидовых железнотельный. Вот и славно. Праздник назван был «Планета Железяка».

Программа сложилась громыхающая и звенящая. Кузнецов позвал с мобильной наковальней с Шарташа-озера, которые учили людей гвозди

делать смеха ради. Ролевиков-рыцарей пригласил, сражающихся на мечях под аккомпанемент немецкой группы «Раммштайн». Также придумал конкурс «Проволочки» по кручению из проволоки художественных объектов на вольную тему. Еще Евгеша концерт предполагал устроить с выступлением ребят, играющих тяжёлую музыку в стиле металл. Вы хотели шоу – получите.

Но чувствует: не хватает какого-то забористого информационного повода, чтобы все газеты, радио и телевидение обратили внимание на праздник. Пошёл он тогда по галереям. Ходит – расспрашивает, нет ли у кого чего-нибудь металлического в творческом заглавнике. И подвернулся ему тут вскорости художник из атомной провинции, что неподалёку от Екатеринбурга – некто мастер Данилов, известный нестандартными проектами с уральской мудринкой.

– Есть, – заявляет он сходу, – у меня одна давнишняя идея. Никто не берётся реализовать, может, ты возьмёшься.

И уже эскиз на салфетке набрасывает. Композиция такая: поперёк дверь железная, в ней глазок, по обеим сторонам два силуэта разнополых, поглядывающих сквозь отверстие друг на друга. Пьеса из серии «Пришёл мужчина к женщине». Он в шляпе, она в тапочках. Здрасьте, к вам гости.

– Фигуры и дверь плоскостные, должны быть из листового железа, миллиметров примерно десять, на подставке из него же, – объяснил Данилов. – Памятник вуайеризму называется!

Проект Евгеше сразу глянулся. Железный, весомый, небанальный. То, что требуется для создания общественного резонанса. Во-первых, созвучен по всем параметрам празднику, во-вторых, на открытие нового памятника журналисты и горожане сбегутся только так – пиар будет железяка. Не очень дорогой, опять же, подъёмно по затратам теоретически. В ту пору, надо сказать, все по мрамору и бронзе прикалывались, по солидным материалам. А тут листовое железо, просто и гениально, без выпуклостей, без литья, только вырезать надо – и прочно, и вандалоустойчиво.

Смуцал только этот самый вуайеризм. Непонятное для большинства народа понятие. Чужеродная эстетика.

Поразмышлял Евгеша денёк-другой и внёс в проект поправку по существу. Предложил Данилову переименовать затею в «Памятник Любопытству». На том и порешили. Грела мысль, что впервые в городе появится памятник не кому-то или чему-то, не герою или начальнику, которого могут в любой момент разжаловать, а неосязе-

В столице уральских руд, Екатеринбурге-городе, всю дорогу схожие непреходящие трудности в области монументального искусства имелись. Памятников много разных было и есть, главным образом нелепых, не так чтобы очень много, но хватает каждому поколению на свой век.

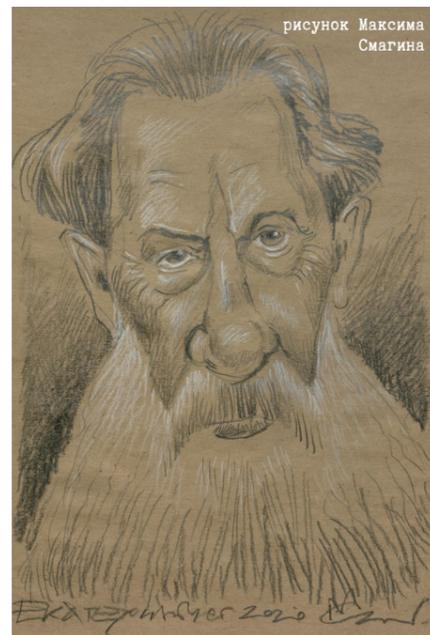

рисунок Максима Смагина

мому человеческому Чувству, присущему любому, вполне простительному и естественному. Объект современный, но не радикальный, далеко отстоящий от идеологии. По шапке, если что, не получишь. Городская скульптура без маркировки 16+.

Дело оставалось за малым. Найти, кто изготовит задуманное. Да и времени оставалось мало – всего месяц.

Кое-как Евгеша вдохновил проектом засомневавшемуся в его необходимости руководству Центра культуры. Упирали на то, что след в истории будет непременно оставлен.

А клуб, до того как стать культурным центром, принадлежал раньше секретному заводу номерному, зашифрованному тремя цифрами. Он по соседству как раз располагался и продолжал выпускать что-то очень нужное при ведении боевых действий и для защиты рубежей, о чём нам знать не положено. Свет на ассортимент его засекреченной продукции пролил только установленный незадолго до описываемых событий самим же заводом памятный комплекс в честь заслуженного директора предприятия. Монумент представлял собой искусно воспроизведенную боеголовку. Потом эту моду ставить памятники в виде ракет разной дальности подхватили и другие заводы.

Сам Бог велел обратиться к бывшим владельцам клуба за подмогой. У них ведь и мощности есть, и станок нужный, и металл, поди, найдется. Опыт, опять-таки, вон какую мемориальную боеголовку изваяли, да и столько лет сложнейшие изделия, полезные для обороноспособности страны, втайне куют, с таким-то заказом наверняка легко справятся.

Связались с заводом. Там идею поддержали не сразу. Что это, сказали, за памятник такой несерьезный да ещё и из железа. Настоящий памятник должен быть из мрамора или бронзы, посмотрите, вон наш-то с боеголовкой какой основательный. Может, вам из дерева его выпилить, в празднике поучаствует, да и ладно, потом на дрова пустите. Но Евгеша настаивал на своём и на долговечности, то есть на воплощении первоначального замысла.

– Сколько лет должен простоять этот ваш памятник? – тогда строго спросили по телефону из заводоуправления ответственные люди.

– Сто! – ляпнул, задохнувшись от наглости, Евгеша.

В трубке помолчали. Оценили, видимо, усугубившуюся в связи с возникшей временной перспективой задачу и сдались.

– Хорошо, – сказали из трубки, – мы пришлём к вам Виктора Ивановича, он разберётся с тем, что вам нужно.

Позвонивший Виктор Иванович был краток и назначил на следующее утро встречу на второй от входа в Центр культуры скамейке, и попросил не опаздывать. Чувствуя себя агентом, пришедшим на randevу с резидентом, Евгеша ровно в десять сидел на означенной скамейке. Подошедший скромный мужчина неопределённо пожилого возраста отрекомендовался инженером. Сказал, что от дел отошёл, но завод время от времени вызывает его по особым случаям, когда надо изготовить какую-нибудь странную конструкцию.

– Недавно вот для «Кокка-Колы» на заказ одну штукину надо было выполнить, и снова без меня не обошлось, – как будто похвастался Виктор Иванович и перешёл к техническим вопросам. – Я тут чертёжик набросал, листов такой толщины сейчас нет, мы склепаем из двухмиллиметровых по пять вместе, в остальном мне всё понятно. Ничего, что покрытие будет чёрного цвета? Зато держаться будет долго.

Виктор Иванович сделал паузу: «Лет пятьдесят простоит без реставрации, гарантирую».

– Потом надо будет подновить немного, – добавил он, словно извиняясь.

Прошло несколько дней. В рабочем кабинете Евгеша раздался телефонный звонок.

– Готово вроде как, – сообщил на том конце провода Виктор Иванович. – Но хорошо бы, чтобы автор поглядел, что получилось, правильно ли мы всё поняли и сделали. Он сможет через час подойти к проходной с паспортом?

Мастер Данилов совершенно случайно в тот день оказался в Екатеринбурге. Но паспорта при нём не было. О чём Евгеша и уведомил Виктора Ивановича.

– Но глаза-то у него при себе? – спокойно отреагировал тот.

– Как же он попадёт к вам на закрытую территорию? – удивился Евгеша.

– Это уж моё дело, – холодно ответил Виктор Иванович.

Как мастер Данилов попал на завод, так и осталось загадкой. Обычная телепортация.

Аркадий Ачитов
«Уральская Мона Лиза»
2019, холст, масло, 80×60

Не просто аллюзия, а двойная аллюзия на Джоконду Леонардо да Винчи. Сперва Мону Лизу в 1970-х годах «переработал» известный колумбийский художник Фернандо Ботеро. Через полсотни лет я сравнил оригинал и ботеровскую аллюзию и принялся за работу «Уральская Мона Лиза», представив, сколько молодых женщин работает на наших оборонных предприятиях.

Аркадий Ачитов
«Ракетный цех»
2019, холст, масло, 100×80

Посвящается нашей оборонке.

За день до открытия Виктор Иванович позвонил в последний раз: «Надо бы табличку пояснительную на памятник, наверное, сделать, мы сейчас гравировать собираемся. Какой текст должен быть?»

Своё имя Евгеша на табличке увековечивать не стал, как русский иконописец прямо. Указали только задействованные в реализации учреждения – культурное и секретное, автора проекта и дату открытия. Виктор Иванович тоже в список создателей любопытного объекта не вошёл.

А накануне до вечера Евгеша ещё долго красил в чёрный тон три старых бетонных блока, спроворенные где-то ушлым заведующим хозяйственной частью Центра, матерился про себя, что всё самому делать приходится, и радовался тому, какой людям праздник завтра устроит. Блоки легли в основание памятника на правах фундамента. Он стоит до сих пор. Его только потом зачем-то перекрасили в оранжевый цвет, не дожидаясь 50-летнего оговоренного срока годности, когда Евгеша уже ушёл из Центра культуры на другую работу. Одно время изображение памятника маячило в логотипе бывшей конторы, но потом исчезло.

На открытии было весело, хотя и нервно, так как милиция запретила проводить концерт на открытом воздухе, потому как начальник охраны клуба не побеспокоился вовремя получить разрешение на проведение массового уличного мероприятия. Но кузнецов, рыцарей и проволочников дозволили, и главное, памятник открыть разрешили. В качестве покрывала был экономично использован кусок старого красного занавеса.

Евгеша придумал ещё раздавать пришедшим зевакам «Удостоверения любопытного человека» с прорезью в виде замочной скважины. В нём было написано: «Выданный документ удостоверяет, что предъявитель сего действительно является любопытным человеком. Органам власти и прочим организациям рекомендуется оказывать ему всяческое содействие в удовлетворении его насущной потребности во избежание перехода врожденного любопытства в состояние нездорового. Удостоверение выдано в день открытия первого в России «Памятника Любопытству» тогда-то. Планета Железяка. Страсти по металлу. Отдохни тяжело, но достойно».

Так что, ребята, ставить памятники не так-то просто. Сносить значительно легче.

В ПОИСКАХ СТРАННЫХ СЮЖЕТОВ

РОМАН СЕНЧИН

писатель, участник Библионале#наУрале № 1

В Екатеринбурге я живу почти шесть лет. Но знаю его ещё плохо. Во-первых, живу с перерывами, уезжая надолго в другие места, а во-вторых, переехал сюда, мягко говоря, немолодым, и врати в город получается сложнее, чем в юности. Впрочем, любимые, а вернее, важные для меня места в Екатеринбурге появились.

Я живу недалеко от озера Шарташ, часто брожу по окружающему его лесу, вижу отёсанные камни, представляю себе, что раньше здесь был некий древний город. Становлюсь на время подростком, играющим в исследователя...

Бывает, специально езжу в Городок чекистов, хожу по дворам, разглядываю странноватой архитектуры, облупившиеся дома, тёмные окна в них; дворы всегда пустые, тенистые, жутковатые. Такое чувство, что там со мной произойдёт история, эти дома и дворы дадут мне сюжет...

Наверное, не буду оригинальным, если упомяну Харитоновский парк. В нём впервые я побывал лет в шестнадцать, когда путешествовал на электричке по Сибири и Уралу. Бываю часто и теперь, и тоже ощущение, что этот парк мне что-то важное подарит.

Тянет к себе дом Гайдара под громадой «Ельцин-центра». Странное соседство, странный сюжет может там родиться, чувствую...

А главное, я стал иначе воспринимать многие тексты Андрея Ильенкова, Анны Матвеевой, Алексея Сальникова, Евгения Касимова, когда поселился в Екатеринбурге. Они для меня по-настоящему ожили.

12 ноября

12:00 Круглый стол «Книги для Выживания»
17:00 Встреча «Зачем я подался в критику?»

НЕВЫНОСИМАЯ ТОНКОСТЬ БЫТИЯ

ЕКАТЕРИНА СИМОНОВА

поэт, сотрудник СОУНБ им. В.Г. Белинского

На самом деле не мы выбираем города, а они – нас. Нижний Тагил нашел меня даже на просторах Северной Пальмиры, когда в поисках каких-нибудь диковинных конфет я приобрела мешок ни разу не виданных ранее наипрекраснейших сладостей, на обертках которых, однако, значилось место производства – «Нижний Тагил». И никак иначе. После такого совпадения действительно уверуешь, что «Тагил – опорный край державы, а Урал – опорный край России», как много лет убеждал каждого проезжающего гигантский транспарант при въезде в наши маленькие, но очень серьезные заводские кущи.

Конечно же, главная улица здесь – это проспект Ленина. Как гласит местная легенда (надеюсь, не легенда), все основные проспекты Тагила были спроектированы и построены сосланным на Урал в суровые старосветские годы ленинградским архитектором, поэтому улицы чем-то отдаленно напоминают Питер: как те же простор и грандиозный воздух, так и тот же угрожающий камень, тоскливое небо, потайные глубинные дворы, угловые башенки на домах, классика и основательность, острый холод и тяжелый ветер. И – грубая наивность, как круглый цветочный рисунок на худояровском подносе. Впрочем, сразу оговорюсь, что идея питерских линий и замкнутых колодезных дворов в итоге разбилась о два непреодолимых препятствия: слишком много свободного места и слишком мало людей.

По причине малой численности населения здесь отсутствуют «Макдональдс» и «Икея» (приходится ездить за благами цивилизации в Екатеринбург, в невыносимую, знаете ли, даль – 2,5 часа на маршрутке, что для среднестатистического жителя Тагила действительно даль. Я вот тут, к примеру, недавно осознала, что моя бабушка не покидала родной район 18 лет, копейка в копейку), зато имеются 4 суши-бара, в меню которых обязательно присутствуют шашлык и мороженое, и не меньше семи пиццерий, пекущих скорее не пиццу, а щедрые уральские домашние ватрушки, где всего много и от души. К слову сказать, настоящая пицца, тощая, с разбросанными по плоскому тесту остатками вчерашнего ужина, у нас не прижилась. К слову сказать, настоящая гадость. Не русская она, не русская.

О русском (и, конечно же, православном): до революции Нижний Тагил считался в России одним из самых крупных городов по количеству церквей, как гласит очередная местная легенда (здесь вообще много легенд, и сарафанное радио работает преотлично). В памяти почему-то всплывает цифра 119. Не знаю, точна ли она, возможно, не 119, а просто 19, а то и 9, да и не хочу особо знать, потому что для мифа важна не цифра, а слово «много». После революции церквей осталось только три. Четвертую не могут восстановить уже второй десяток лет.

В городе – самый большой в мире завод. занесен в книгу Гиннеса, о чем, помнится, много было опять-таки легендарных разговоров в постперестроечные времена. Сейчас медленно аго-

низирует и разваливается по частям, кто бы там что ни говорил.

Также нам можно гордиться (в порядке перечисления важности) наличием бесчисленных собачьих свадеб, поражающим воображение количеством банков и собственными поэтической и художественной школами, плюс школой подносной росписи. Все три – общероссийского масштаба, и это уже – не легенда.

Впрочем, из области легенд Тагилу следует еще гордиться единственным на Урале спящим вулканом. Имя ему – Лисья гора, в далекие дореволюционные времена на ней проводились народные гулянья, подтверждением чему служат то ли сундучные, то ли подносные, то ли иные какие додревние самодельные картинные росписи, хранящиеся в одном из наших двух основных музеев (Завод-музей я не учитываю). На вершине Лисьей горы стоит пожарная башенка, являющаяся по совместительству официальным символом Тагила, крохотная такая башенка над широким Тагильским прудом, Пруд мутен, однако под летним солнцем воды его сверкают и блестят, как фольга из-под съеденной шоколадки, и плещутся о берег с самым элегическим шумом. Когда спускается ночь, звёзды обрушиваются вниз, как сорванная ветром с крыши рождественская зажжённая гирлянда, и кажется, что можно дышать и жить. Вид с горы открывается чисто по-уральски необъятнейший и поражающий столичное воображение, и совсем не замечаешь битых пивных бутылок под ногами.

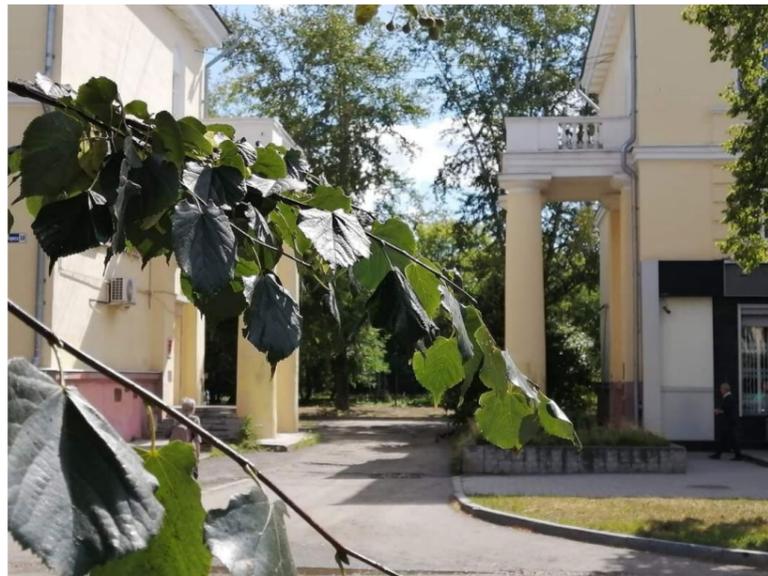
И только в Тагиле утро встречает тебя не чем иным, как гигантским сентиментально-розовым облаком в виде сердечка. Впрочем, сердечко не простое, а фенолфтолеиновое. Или еще какое-нибудь. Я, знаете ли, не специалист в химических отбросах. Издержки промышленной глубинки, так сказать.

Отдельная и весьма поэтическая тема – это гипермаркеты маленького городка.

Новые, специально выстроенные (и это их уже отличает от остальных, как ошейник отличает благоустроенную собаку от приبلудной

дворняжки) торговые центры стоят здесь обычно, как последний воин в поле, посередине обширного пустыря, летом пряно порастающего по углам метровой полынью. Сияют стекла в мутных июльских закатах, буграми наледышей светят в декабре края гранитных ступеней. Внутри всегда холодновато и непонятно. Потолки висят где-то на высоте, недоступной обывательскому глазу (и именно поэтому люди среднего и старшего возраста – неосознанно – зачастую у нас стараются закупаться в привычных магазинах, так же привычно встроенных в успокаивающие рамки первого этажа и еще не до конца забытой юности). В гипермаркетах же – эхо вольготно гуляет между далеких стен, как... даже не знаю как: не то как голубка в нежном небе Флоренции, не то как

пьяная ватага лихих казаков по веселой Малороссии. Стекланные стены со стекланными дверями в бутики (*sic!*) похожи на входы в громадные хрустальные гробы. Взгляд манится и мечется. Эксклюзивные фальшивые шмотки, переливающиеся шариками побрякушек, умопомрачительный запах недорогой кожи (вывернуть перчаточные края и прижаться трепещущими ноздрями) и мутного атласа, нежные переливы рингтонов из магазинчика сотовой связи, кофейные дурацкие – неуместные – ароматы, вкусные блага жиз-

ни в ярких обертках и верблюжьих караванчики в кассу на выходе, загадочные манекены, продавщицы, так же манекенно замершие/(замёрзшие (?) рядом с вешалками – внутри стекланных коробок, как червячки в яблоке. Идеальное место для неизвестной сказки от Шарля Перро.

Жизнь в маленьком городе вообще полна абсурдной прелести и невыносимой тонкости бытия. В скромный рабочий день перед тобой могут сменить друг друга люди с такими именами, как Макка Уалитовна или Люция Леонидовна.

Только в маленьком городе на твой любой вопрос, требующий положительного ответа, тебе без сомнений выдаст каждая нежная дева, покачивая согласно, как цветастый китайский болванчик, свежееблондиненной головой, не что иное, как великую фразу всех времен и народов: «ДАК ДА!»

Жители здесь медлительны и неожиданно сентиментальны. Не все умеют пользоваться интернетом, но все умеют солить огурцы

Только в маленьком городе посередине местного пруда, забитого опасными консервными банками, глиной и пьяными утопленниками, имеется Остров Любви.

Только в маленьком городе можно увидеть в кулинарии огромные советские серые железные полудонедовыгнутые противни с салатами «селетка под шубой» и странным гигантским пирогом «Чизкейк», а также покупателям спрашивающих, что такое чизкейк.

Только в маленьком городе основой основ, фундаментом (не побоюсь этого сурового слова) домашнего хозяйства до сих пор является стирка полиэтиленовых пакетов. И ведь – стирают, господа присяжные заседатели. И я в том числе.

У нас дрыхнут с тем же самозабвением, с каким иные – живут и бдят. Пьют обычно пиво, причем пьют не из любви к искусству, а исключительно из патриотизма, ведь только в маленьком городе родное пиво превосходно и дешево, а заграничное вино дорого и дурно.

Латынь маленького городка – это вечные ценности и нестандартные идеи. Над въездом на территорию завода спиртных напитков «Тагилводка» висит девиз, гласящий не что иное, как: «IN VODKA VERITAS». И как здесь не согласиться?

Может быть, отчасти поэтому матери здесь смотрят со старых дымчатых фотографий всегда в сторону, куда-то туда, за край, красивые той неяркой, недолгой, так до конца и не пробужденной красотой, которую можно бывает найти только в глубинке. Они будто стоят на берегу, опустив руки вдоль тела, и провожают утекающую воду.

Аркадий Ачитов
«Рождение Тагильского коня»
2020, холст, масло, 100x80

Труд за колючей проволокой бывает разный. И народ там, хоть и криминальный, но часто сидит с талантами. В общем, как говорится, Тагил наш удалённый, особо одарённый...

В КРАЮ НЕПУГАННЫХ ТРАКТОРИСТОВ

Из цикла уральских баек «И я там был»

АНДРЕЙ ТИТОВ

режиссёр-документалист, писатель, участник Библионале#наУрале № 1

Что без вопросов, то без вопросов: просторы у страны нашей шальные, столько предки находили-назавоёвывали, что и за десять перестроек не профукать. Помнится, с одним самостийным латышом область объезжали. Путь неблизкий, дорога ровная: прибалта через каждые десять километров в дрёму повергало. Как кочка какая, встрепыхнётся, голову поднимет, спросит нарастяжечку:

– Ну, сколько ещё?

– Далеко, – успокаиваем, – отсюда не видать, да ты спи, спи.

– Бо-о-о-ольша-ая страна, – и снова в сон.

И так раз двенадцать убеждался в неохватности земель русских. Говорит, я уж и маму, и бабушку, и князя Гедими-на во сне перевидал, а до нужной деревеньки не приблизился.

Что говорить, у нас от Нижней Балды до Верхней расстояния больше, чем у них от Литвы до Латвии.

Это ещё недалече с ним ездили, сейчас расскажу, как далече-то у нас выезжают. Взбренило однажды в буйную головушку, что надо в мансийскую непролазную глушь на край области скататься. На карте эту деревушку начнёшь искать, и то оторопь берёт: добраться только автозимником можно, кругом на сотни вёрст тайга и гора с названием Гиблая поблизости. В общем, ребята, полный аут, всякая история тут кончается, начинается география.

В райцентре, до которого тоже с десяток часов добирались, передышка, перекур, пересып небольшой, наутро из местной газеты берём журналиста себе в провожатые – и в путь! Где-то на третьем километре асфальт кончился, началась щебёнка, на десятом – щебёнка незаметно-незаметно в грунтовку преобразилась, а дальше, через полчаса судорожных шараканий на боевом УАЗике, и грунт невесть на что похож стал. От тряски печень с почками целуется, голова обо все углы брякается, задница дубеет, в отбивную превращается. А вперёд глянешь – ещё страшнее: не дорога, а канава с непрерывными пеньками и арматуринами. Мохнатые сосны этакую ужась от небес скрывают – нависли сумрачно. Ей-богу, вот-вот ухнет филин, появятся из болотин кикиморы, щекотать начнут до смерти. Верить начинаешь предкам: может, и не сказки они писали, а чистую быль.

Местный журналист, почуяв слабинку, ещё пуще жути нагоняет. Дескать, есть тут чуть-чуть поотдаль рыболовецкая деревенька, так до той даже и такой дороги нет. Раз в месяц прилетает туда вертолёт, выгружает хлеб со спиртом, отловленную рыбу загружает. Натуральный товарообмен. Причём вертолётчики точно время рассчитывают, когда в деревне прошлomesячный спирт иссякнет. А то бывали случаи, когда прилетали к ещё не протрезвевшим рыбакам, те стрелять из винтовок начинали по вертолету.

– К тому же, – тревожным полусёпотом продолжал нас пугать журналист-абориген, – места в этих краях топкие, чисто болотина припорошённая, ни посадить чего, ни закопать. Вот и покойников земля здесь не принимает, наружу с водой выталкивает. Местные как обходятся? Соорудили себе срубик небольшой навроде колодца и в него мертвецов скидывают. Вот и посуды, кого и сколочко они там накидать могут, пока вертолёт к ним не прилетает.

Как назло на этом моменте под смачный матерок шофёра УАЗика окончательно подсел, только ревёт и грязь из-под колёс разбрызгивает. Экипаж машины боевой в полном составе отправляется доски и сухостой под колёса искать, я замеряю глубину затянувшей нас лужи и ужасаюсь: чуть ли не на полметра расхлябье и грязища, верх колеса едва видать. Докатились, приехали, здарсьте! Шофёр в ярости, оператор в панике, местный журналист потихоньку заныканную бутылку опорожняет, перспектив меньше, чем у Стрелки с Белкой вернуться на землю. Но в России никогда не стоит опускать руки. На второй час отчаяния, когда уже продумывалось, в какой берлоге ночевать, как из сказки выезжает грузовичок встречный – счастья полные штаны.

Ну, на буксировочный трос привязались, тянем-потянем – вытянули УАЗик. Спасителю рюмочку накатить дали, сами дальше. Уже не поспешаем, как ранее, по тридцать километров в час, пятнашечку машина тянет, и то ладно. И без того после каждой рытвины на дороге плющит, колбасит, пропердохивает, переколпаковывает по-колпаковски. Башкой о переднее сидение – бац! – язык прикусил, в ушах заложило, и на весь мир глазами удивлённой Крупской смотреть начинаешь. Вот ведь как.

Когда на горизонте, как благославленный оазис для усталого бедуина, из дымки, из полутьмы появилась мансийская деревушка, неудержимо радостные крики огласили нашу бедную машину, и она окончательно заглохла.

Последний километр пешком одолели, буераки, реки, раки по пути, а нам хоть бы хны – мы воробьи стреляные. Ну, у манси кое-как интервью взяли. Я им: «Как жизнь-то у вас?» Они в ответ: «Коя барабыс».

Я: «С охотой-то нынче как, не прижимают?» Они своё толкуют: «Водка эхердея сык-сык».

В общем, без ритуальной поллитры не обошлось. Да, и не верьте тем, кто скажет, что манси глупый и первобытный народ. Первобытные-первобытные, а на две сотни рублей подвыпивших журналистов накололи на продаже клюквы, в начале пьянки за неё денег взяли и в конце ещё потребовали.

С клюквой, но без денег, усталые, но довольные, вроде на ногах, но изрядно спотыкаясь, добрались мы до заветного УАЗика, загрузились в его слегка подлатанное чрево и двинулись в путь. Обратный путь всегда легче, и даже потряхивание и постукивание головой по стеклу сну не мешают, а, скорей, способствуют ему, успокаивают, как мерный шум поезда: бац-трямс! трямс-бац! бац-трямс! трямс-бац! Проснулись только от того, что бацать и трямсать перестало. Выходим из машины, смотрим, старый знакомец, грузовичок, что нас утром вытаскивал, теперь и сам подсел. Да ещё к тому кузов свой на крутом повороте раззявил, и все продукты, что до сельской лавки везлись, в лужу попадали. Берега кисельные, да река молочная, по реке, барахтаясь, чупа-чупс плывёт – я почти не преувеличиваю. Сели, пригорюнившись, выловили из кефирно-грязевой лужи банку тушёнки, откупорили, закусили водочку, в очередной раз заныканную многоопытным местным журналистом. Выпили – решение созрело. С нашим чудо-УАЗиком обернулись ещё раз до села, нашли там сначала трактор, потом тракториста, кое-как сварганили из этого единое целое и до пострадавшего. Пьяный тракторист тянул грузовик рывками, отчего вся оставшаяся снедь в канаву поплюхалась – придётся сельчанам на свежем воздухе отовариваться.

Ну, доехали до асфальта, сразу скучно стало. Только утром ещё один небольшой опослeдок везелья. Заглянули в кабину машины, а там весь пол и сидения в кроваво-красном, передёрнуло аж от ужаса. Оказывается, пока обратно по такой дороге ехали, всю клюкву помяли и растражили. И ничем эти разводы не отмоешь. Долго потом начальнику гаража шофёр объяснял, что никого он в командировке не убивал. Не знаю, убедил ли.

МАСТЕР ВЫШИТОЙ ЛИСТВЫ

Большая часть материалов путёвого журнала «По Уралу» проиллюстрированы работами одного автора. Это екатеринбургский поэт, прозаик, художник, фотограф, музыкант **Владимир Хаманов** (1969–2022), много снимавший уральскую столицу. Он родился в посёлке Горный Щит. Создал в Екатеринбурге собственную школу фотографии. В 2009 году стал лауреатом всероссийского конкурса «Лучшие фотографии России». Книжки у него не выходили, но стихи и проза публиковались в периодике и литературных альманахах. В 2005 году в рамках издательского проекта «Библиотека клуба «Свезар» вышел сборник «Дни. Творения», где под одной обложкой собрались ярчайшие поэты Екатеринбургa: Елена Бушуева, Лариса Бочарова, Евгений Сусоров, Сергей Ивкин, Инна Домрачева и др. Владимир Хаманов был представлен повестью «Сумасшедшее пианино».

Свою живопись никогда не продавал, только дарил. Был мультиинструменталистом, записывая как сольные проекты в жанре авторской песни (или дуэты – с Виктором Кашириным), так и созывая рок-группу «Хэппи Энд», в которой вместе с ним выступали известные музыканты: Максим Киров, Анастасия Шафран. Исполнял песни на стихи Бориса Пастернака, Федерико Гарсиа Лорки, Педро Мигеля Облигадо. Последний диск «Мастер вышитой листвы» выйти не успел. В библиотеке готовится его персональная фотовыставка.

Воздух их жизни неподвижен, как налакированные волосы. К старости это становится все заметней. Печально и так же – красиво. Ощущение не увядания, но голоса, растворяющегося в тишине.

И все же Нижний Тагил прекрасен. За моим рабочим окном – парк с ветвистыми деревьями и маленьким кукольным театром посередине.

Зимой в этом парке, квадратном и, как корзина, сплетенном из извилистых ветвей, скрипящих, но недвижных, замерзают и высыхают яркие дикие яблочки, и снег под яблонями запекается и черствеет, как разломленный батон. И свиристели качаются на самой тонкой ветке. И все ветки в конце весны тяжелеют от цветов. Сирень отражается в лужах. Кошки бегут в траве.

...В зимней темноте скрипит и искрится снег. На обочинах победительно из грязнеющих ледяных корок торчат сухие ветки. Девушки в несмешных шапочках. Пахнет бензином, невзаимностью и курицей «гриль» из магазина «Монетка». Тоска по несбывшемуся.

ГЛАЗАМИ ПРОВОДНИКА

СЕРГЕЙ ИВКИН

поэт, сотрудник СОУНБ им. В.Г. Белинского

Слышать пространство, в котором живёшь, начинаешь, когда дорогой гость просит показать ему самое интересное. И открываются два пути: вспоминать или врать. И граница между ними – неразличима

СОРОКАЛЕТНИЙ РАЗГИЛЬДЯЙ

У каждого города есть «гений места», для каждого горожанина свой, с которым выходишь на диалог, как бедный Евгений со статуей Петра в «Медном всаднике» Нашего всего. Или выпиваешь, как герои советских андеграундных песен со статуей Вождя. Например, Пермь – вечная девочка, чей возраст не угадаешь, да и не решишься спрашивать, в глазах – тоска и обида, но улыбка и макияж всё скроют. Сидишь с ней рядом на берегу речки Стикс, в тени Соловьиного сада, старательно не замечая морщинок. Челябинск – пожилой интеллигент, которого хорошо помотало жизнью, но он сохранил и чувство собственного достоинства, и спортивную форму. Он предложит тебе чистую лавочку с обратной стороны здания Университета. И приведёт в компанию стаю воробьёв. **А вот Екатеринбург мне всегда виделся сорокалетним разгильдяем, старательно делающим вид, что вполне себе устроился в жизни. Я достиг нужных возраста и настроения, чтобы слиться с городским «гением», водить гостей по своей земле.**

АРИЯ КУЛИКА МОСКОВСКОМУ ГОСТЮ

В Кольцово мне неуютно. Родной аэропорт видится иллюзией: нет его на самом деле, ты стоишь внутри абсолютно голых стен, а на них специальными лазерными лучами проецируют магазины, кофейни и других прилетающих-отлетающих. Необходимо найти нечто настоящее, уцепиться за эту вещь и успокоиться. Я подошёл к воротам прибытия, взялся обеими руками за металлический поручень, огораживающий зону выхода, и приготовился ждать. За моей спиной постепенно собирались встречающие. Но я стоял самый первый, вглядываясь в расходящиеся и сходящиеся створки, в чёрный квадрат явления из Москвы. Видел, как незнакомые люди радовались, махали руками и распадалась на световые блики. Через пятнадцать минут я уверовал, что на самом деле я не опознаю писателя Марину Москвину, столичного гостя Библионочи в Библиотеке им. В.Г. Белинского, Марина пройдёт мимо, так же растворится в солнечном свете, косо падающем через высокие окна.

Не узнать Марину оказалось невозможно. Она явилась, и я понял: Марина не иллюзорна. Её необходимо незамедлительно обнять, чтобы осознать: всё вокруг настоящее, никакой Майи нет изначально.

Всякий кулик желает выплеснуть на гостя максимально большой ушат впечатлений. Профессиональный гость прivityкает к бурным демонстрациям болотной жизни и только смиренно кивает.

Марина достигла в своих путешествиях следующего этапа: она аккуратно корректирует изливаемые потоки счастья и гордости, чтобы все

окружающие могли выразить свою радость жизни в лучшем болоте в равной степени. Так время от времени во время пути из аэропорта Марина придерживала мою речь, чтобы и водитель – Василий Анатольевич – мог рассказать про свою белоснежную машину и о том, как изящно он нас перемещает по шахматной доске состоящего из сплошных пробок города.

ЗАЙКА МОЯ

В первый вечер решили ограничиться ужином и небольшой прогулкой. Вьетнамский ресторанчик «ВьетМон», позволяет пронести напитки с собой. И я принёс из ближайшего «Скворечника» два хвойных рафа. Рафы меня научили пить в Сибири, после чего я перестал жалеть деньги на горячие напитки. Дорого, но надолго. Иной кофе я забываю через десять минут, а вкус рафа остаётся с тобой, словно пёстрая птица Говорун. Сидит на плече и время от времени аккуратно клюёт в макушку. Интерьер в ресторане – кунгурский фестиваль воздушных шаров: лампы под потолком круглые, пёстрые, и всё время блазнится, что они меняются местами. Кухня сдержанная, но сытная. Еда здесь – повод к беседе, то, чем делишься, что разделяешь.

Далеко идти не хотелось. **Ограничились центром города, поскольку появился хороший ориентир: памятник Зайке Агнии Барто возле Девятой гимназии.** Ресторанчик расположен внутри «гусениц» **Дом-Трактора.** Ниже по улице – **Дом-Комбайн**, в котором шуршит письмами Главпочтамт, а рядом с ним плита Нулевого километра Свердловской области. Скверик с печальным изобретателем радио – Александром Поповым (Маркони ему разум мутит). Весь в татарских орнаментах **Дом Севастьянова**, которому Священный Синод не позволил носить золочёные купола. Так дом и меняет время от времени расцветку фасада, всё не может определиться с костюмом. Плотина, с красивой горизонталью городского пруда, которую пересекает одинокий **Дом-Пароход.** Набережная Рабочей молодёжи с маленькими аристократическими домиками. Девятая гимназия, мечтающая стать Хогвартсом. Ещё один скверик возле гимназии: несколько скамеек среди зелени. На одной из них сидит бронзовый заяц размером с откормленного спаниеля и стоит раскрытая книга размером в две библии Гутенберга: *...Под дождём осталась заяка. Со скамейки слезть не смог. Весь до ниточки промок. Автор этих строк детская писательница Агния Барто во время Великой Отечественной войны жила в эвакуации в нашем городе по адресу ул. 8 Марта, дом 1.*

Марина села рядом с зайцем, обняла его. И душа моя успокоилась: я выполнил свою жизненную миссию, «передал солонку», свёл вместе два разных детских мира.

МЕТОДОМ ЗОНДАЖА

А наутро был Музей наивного искусства. Оказывается проще добавить филиал к государственному музею, чем создать частный. Тем более частный музей Евгения Ройзмана в городе уже есть. Потому официально Музей наива – филиал Екатеринбургского музея изобразительных искусств, а в понимании горожан – тайный филиал «Арт-птицы». Такой «ласковый телёнок». Но это и хорошо. В нём спокойно и уютно. Четыре постоянных зала и сменная композиция. Я лично иду каждый раз к въедливому Языкову и мечущемуся Коровкину. Но каждый посетитель прижимает к сердцу своё: Марина фотографировалась на фоне сюжетных ковров, а прилетевший через неделю после неё из Петербурга Валерий Шубинский – остался неравнодушен к лысяковской «Полине». После Музея наива идти в основную экспозицию ЕМИИ скучновато, но просто необходимо им привиться перед нырком в бездну Музея Андеграунда.

В Музей Андеграунда с Мариной мы не попали. На следующий день, в воскресенье, нам на

двоих сделали приват-экскурсию по свердловскому конструктивизму.

Да, приезжающие в Екатеринбург отмечают невероятные следы роскошного деревянного модерна. Но мы сами к ним относимся прохладно: этого добра в Новосибирске и Томске намного больше, а вот такой ассортимент строгого конструктивизма – только у нас.

Конструктивизм растворяется в буднях, его воспринимаешь как должное, потому по нему нужно именно водить, о нём рассказывать, подчёркивать детали.

Наша гид Екатерина Сосунова вела тайными тропами, сверх лекции мы получили шопинг в художественной галерее «Поле» и встречу с Шигирским идиолом (его грубая копия украшает третий этаж здания пристройки библиотеки им. Белинского; на самом деле нам показывали конструктивистские круглые лестницы, но запомнили мы идола). Весь маршрут Екатерины кружил через неприметные арки, задние дворы и полуразвалившиеся заборы. **Зато заборы были аутентичные, начала тридцатых годов. И ручки на дверях подъездов из того же времени. И на табличках сохранились двойные запятые (крылья ангела?) вместо твёрдых знаков.**

Ленина, 52 – это сразу **Дом-Квартал.** По нему одному можно бродить только час. То залипаешь на вынесенных наружу лестничных маршах, то на фонтане-кораблике, каждый год отстраиваемом и расписываемом горожанами заново. Естественно в отведённые полтора часа экскурсии мы не вписались, плюнули на тайминг и пошли за нашей Катериной, куда поведёт. И завела она нас в мастерскую к Наталье Хохиной, в другой **Дом-Музей**, в «Ячейку Ф», в мастерские художников, на прямой переход между домами, курилку под звёздным небом, на прогулку по крышам.

Наталья, как и её муж, Борис, совмещает живопись с материальными предметами. Слово учитель Ильи Золотника в романе Марины Москвиной «Три стороны камня»: расплющил золотую концертную тубу о холст и сделал своего ученика навсегда из музыканта живописцем. Борис влетает своим девам на холстах натуральные косы, а Наталья напротив выращивает своих «лаписов» из структуры камня. Без пристального взгляда и не различишь: где ещё полированный камень на холсте, а где уже масло. Да и на чисто живописных вещах ловишь себя, что пытаешься посчитать, сколько слоёв открылось в представленном зондаже (теперь я знаю, как называются сплетения облупленной краски на металлических покрытиях). Нет, все слои пишутся одновременно, это на стенах, лестницах, перилах мастерских видны срезы времени. И на стенах, и на холстах – многочисленные стикеры, печатные и рукотворные.

«ЗАБЕГ В ШИРИНУ. ТАКОЕ ЗНАЕТЕ: БОРДЕЛБЕРО»

Прощались мы с Мариной суетно, не навсегда. Надеюсь, что так и сложится. А следующая вечерняя прогулка велась мной по параллельной улице – Малышева. Валерию Шубинскому нужен был конкретный адрес. Сейчас рекламы в городе стало меньше. Но первые этажи ведущих улиц пестрят «входными группами», цифр над ними не разглядеть. Проще открыть навигатор в телефоне и идти по нему, чем читать углы домов. Но всеильный интернет легко корректируется, и не узнать сегодня: какой именно дом был «Американской гостиницей», а какой – борделем. Да, Художественное училище им. Шадрова, создателя слогана «Бульжник – орудие пролетариата», не может располагаться в бывшем борделе, только в гостинице. Но мне-то учителя в ДХШ при учили-

ще в девяностые годы рассказывали иначе. Мол, чехи свою Чехословакию придумали именно когда курили на угловом балконе борделя, на пересечении нынешних улиц Малышева и Розы Люксембург. А гостиница стояла напротив. От неё остался только один корпус. С магазином «Аметист» на втором этаже. Второй корпус снесли. Именно там и останавливался Чехов. И наблюдал спросонья, как в полночь мимо него в июле по улице, посыпанной солью, соревнуются в скорости резные сани с подвыпившими удалыми купцами. Но дома нет, табличку повесить некуда, вот и сделали монтаж. И сами в него поверили. А может мне учителя набрехали. Кто в чём уверен?

Тема городских борделей вообще животрепещущая у гидов. Это необходимая специя в прогулке. Когда меня водили по ночной Самаре, именно бывший бордель покорила изяществом фасада. В Челябинске рядом с действующим борделем расположен самый облюбленный литераторами ресторан. Хоть сейчас назначай его уральской «Веной». **Екатеринбург более стыдлив, отводит глаза.**

НЕТ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ

Зато хороша в плане городских мифов Площадь 1905 года. Посвящённая не Кровавому воскресенью, а собственным нашим массовым беспорядкам и их властным урегулированию, на Урале своих отцов Гапонов хватало. В начале 20-х годов, после отступления из Екатеринбурга армии Колчака, новые власти осушили пруд и обнаружили тайник с двумя миллионами мексиканских долларов золотом. На эти деньги общественным решением замостили площадь, поставили памятник Вождю, вместо первоначального памятника Александру Второму Освободителю. Между Царём и Вождём на том же месте успели отметить «Ванька Голый» (Памятник Освобождённому Человечеству) и бюст Карла Маркса. И ещё заложили Дом горсовета, превратив Торговую площадь просто в улицу. Дом горсовета, нынешнюю Администрацию города, достраивали в несколько этапов, потому декор её напоминает о «зондаже» и «стикерах», с которыми работает художник Наталья Хохонова. Вот мы с Валерием Шубинским вдвоём в сумерках и шурили сквозь очки наши интеллигентские очки, вычитывая, кого советские отцы города решили разместить на фасаде главного здания. **Справа – светила культуры: изобретатель паровоза Черепанов, писатель Решетников, композитор Чайковский, писатель Мамин-Сибиряк, изобретатель радио Попов, академик и горный инженер Карпинский. Слева – маяки революции: формальный глава РСФСР и председатель комиссии по созданию первой Конституции Свердлов, комиссар Малышев, пропагандист Вайнер, матрос Хохряков, контрразведчик (коллега Бажова) Валеж, начдив Азин.**

Впрочем, и гость может открыть город его хозяину. В Музей андеграунда на Добролюбова, 4 направился без особых ожиданий. Но Валерий многих представленных художников знал лично или пересекался через одно рукопожатие. И потому я шёл за ним, раскрыв рот, и слушал, слушал. Цой, Митьки, Сидур, Зверев... **Вообще в холодные подвалы Музея андеграунда надо ходить исключительно компанией, чтобы долго и вдумчиво разговаривать, спорить, ссориться и мириться на фоне невероятной палитры эстетических и идеологических поисков. А в соседний с ним Музей Эрнста Неизвестного – только в одиночку. Даже без проводника.** Замирать и медитировать на каждый скульптурный объект.

А ещё есть Музей камня «Планета». На Чернышевского, 7. И не только уральского камня. Якутия, Дальний Восток, множество частных коллекций. Туда с детьми. Чтобы учиться снова смотреть на мир вокруг себя восхищённым взглядом.

Каждого гостя тащишь по новому маршруту. Неизменны только Памятник Человеку-невидимке у входа в Белинку и Большая клавиатура на берегу Исети. Но инженера ведёшь к огромным чёрным механизмам на Плотинке. Литераторов – к памятникам Остапу Бендеру и Кисе Воробьянину. Художников – на Метеогорку. Нет универсальной экскурсии. Екатеринбург похож на разбитое зеркало в трубе калейдоскопа: шевельнёшь – через секунду вокруг тебя новый рисунок реальности. И словно в Кольцово, ищешь незыблемые предметы. И незыблемых людей.

Реквием книжной яме

ЕВГЕНИЙ СУСОРОВ

Мне повезло. Я жил во время оно, питаюсь медом из господних сотов почти что на халяву.

(Шарм эпохи, в которой за червонец – том Платона, за «штуку» – сборник пошлых анекдотов, поскольку был Платон народу похер).

Рожденное от спроса предложение страдало омертвением части речи. Глагол, которым жгли сердца людские,

лежал в гробу без вдоха и движенья, а люд был оглушен добычей гречи, и осаждал базары и комки, и

терял лицо.

Мне повезло. Я жил во время оно, оно неспешно нить свою вязало, и мы старались не мешать друг другу.

Я шел в обход всеобщего закона, я доезжал на «тройке» до вокзала, и шел на чад автобусного круга,

туда, где люд, как мякоть из граната, торчал из шкуры желтого вагона, и кришнаиты ныли «Харе рама!»

приплясывая... Едем. Запах ада. Кошелки. Майки «Босс». Платки. Погоны. Конечный пункт именовался «Яма»

Не помню, почему.

То был этноним книжной барахолки. Там, в суете, еще дышал Ты, Боже. Там Кинг плясал на шее Гумилева.

И среди рядов, угрюмые как волки, прохаживались парни в черной коже – оцениватели святого слова.

Мне повезло. Я помню это время, когда, обложен с трех сторон фарцом, здесь дух издох. Но прежде было Слово.

Оно стояло на одном колене, во лбу зияя рваной полосой, как старый лев в кольце людского лова,

оскалив зубы.

Восславим тупость наших адидасов!

За рубль – Хэм. За сотню – Анжелика. Так не бывает, но такое – было.

Тут смена вех, веков, иконостасов, тут отобедал волк Христовым ликом, и новый храм себе воздвигло быдло.

Я проходил по шпалам. В жухлых травах светлели книги в рваных переплетах. За мной, незримо шелестя крылами,

скользили тени кавалеров бравых, красоток, битюгов при пулеметах, вампиров саблезубых и с колами

меж ребер.

...Я не пророк. Я не отмечен даром. Но в ту минуту, потеряв пространство, я вдруг почуял – потянуло серой.

И великан стальной глухим ударом вложил в лицо земли кривой Коран свой – земли, от дней бездождья темно-серой.

Надмирно высаясь на убитом Азе, он в кучу сгреб и Гете, и вампиров, и Анжелик.

Зола осела быстро.

– Коран Эпохи Накопленья Грязи, вот ваша Книга! – громко возопил он, и пламень, возгоревшийся из искры

сжег барахолку.

...Потом я поднимался вверх по круче, зажав под мышкой теплый томик Ницше. Хозяин жизни мчался на «Тойоте»

уверенный, что жизнь ласкает круче его, а не меня. В подъездной нише пил дембель, отмотавший срок на флоте.

Его герле от пойла стало плохо, а он все пил, закинув клеш с ботинком на шаткий стол. Шло третье лето смуты.

Мне повезло. Я выжил в ту эпоху, заезженная, старая пластинка. Так что – я нужен здесь еще кому-то?

Конечно.

Богу.

Аркадий Ачитов
«Уральские хлебы»
2021, холст, масло, 70x110

Тема еды в живописи – вечная. Но элементарное рисование сочетаний типа «яблоки и груши», «самовары-чайники» меня не интересует. Захотелось запечатлеть хлебобулочный набор на личном отрезке времени. Набор этот оказался достаточно широк, хотя многие его представители уже никогда не появлялись на прилавках. Помню из 70-х пышных сдобных лебедей, продававшихся в ларьке столовой около кинотеатра «Заря»

в Свердловске, кунцевские булочки за 3 копейки, булочки-турбинки, горячие печёные школьные пирожки с яблочным повидлом. Уже никогда мы не купим в магазине душисто-пряные, влажные и кислотоватые на вкус пряники «Уральский сувенир». Крайне редко теперь можно встретить в продаже зажаренные во фритюре сладкие темно-коричневые цилиндрические пирожки. А ведь раньше они, родные пятикопеечные, были во всех булочных! Лежали себе маслянистыми рядами в ящичке, как патроны в цинке... Приятного всем аппетита!

БИБЛИОНОЧЬ НЕЖНА

МАРИНА МОСКВИНА

писатель, хэдлинер «Библионочи»
в Свердловской области (2022)

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В аэропорту Кольцово встречал меня поэт Сергей Ивкин, ответственный за коммуникации «Белинки», распахнутый всем ветрам, чья доброта, чистота и начитанность еще спасут этот мир. Впервые увидевшись, мы обнялись, как родные братья. Влюбленные – он в Олю, я – в Лёню, спустя пять минут мы уже знали друг о друге всё.

– Я так боялся вас прошляпить, – говорил Ивкин. – Я еще никого никогда ниоткуда не встречал, вы у меня первая!

Мне подали ослепительно белый лимузин, и когда я восхитилась его девственной белизной, водитель Василий Анатольевич строго спросил:

– А вы поверите, что этому автомобилю десять лет?

Нет, ни за что бы не поверила, как не могла поверить в то, что Ивкин прочитал все мои незатейливые произведения. Но оказалось – не просто прочитал, он передавал их из рук в руки, всячески рекламировал, да еще оглашал на сон грядущий сыну Даниилу «Путешествие Атрика и волшебника Кникса», и они оба радостно балдели от их приключений, хотя Оля, более трезво глядящая на этот мир, неодобрительно замечала:

– Что за ерунду ты читаешь?

Пришлось Ивкину «Мою собаку любит джаз» втюхивать своим детям – втайне...

В первом своем письме ко мне он писал: «Раскажу, как впервые услышал ваше имя. Мне было 17 лет. Моя сестра взяла в библиотеке книгу «Моя собака любит джаз» и прямо на автобусной остановке стала читать вслух «Дерево моё сучковатое» – о том, как пожарные старым дедовским способом тушили горящее дерево. На фразе «По когтю узнаю льва» сестра захлебнулась в хохоте и слезах. А со спины её попросили: «Продолжай». Я взял книгу и стал читать дальше. Люди на остановке никуда не уезжали. Стояли и слушали до конца. Я думал, что такое бывает только в кино. Любимой книгой у меня пока остаётся «Гений безответной любви». Жду новый роман...»

**Клянусь, таких встречающих
я просто не встречала.
Ты расправляешь плечи,
поднимаешь голову, и где-то
в глубине души рождается
надежда, что ты не напрасно
снашиваешь свои соломенные
сандалии.**

Водворив меня в шикарный отель – лучший из пятизвездочных (автор на самом деле преувеличивает. Отель был трёхзвездочный. – Прим.), усталый персидскими коврами («Елена Сергеевна Гармс любит, чтобы все было по высшему разряду!»), он пригласил меня во вьетнамский ресторан, где мы заказали диковинные вьетнамские деликатесы, а кофе нам захотелось – не вьетнамского, а нашего, русского, уральского! Ивкин ненадолго скрылся и в любимой кофейне поблизости раздобыл два огромных стакана роскошного рафа.

Почувствовав полноту экзистенции, мы сделали попытку остановить прекрасное мгновение. От старшего внука я недавно заполучила айфон и с энтузиазмом чайника бросилась реализовывать себя, как портретиста. Сергей сел в отдалении и мечтательно глядел вдаль, я фотографировала его то в фас, то в профиль – с нависшими над его головой разноцветными бумажными фонарями. Вскоре обнаружилось, что на большинстве портретов фигура Ивкина окутана непроглядной мглой, как будто это не ответственный по коммуникациям «Белинки» Сергей Ивкин, а какая-то Тень отца Гамлета. Только один выступил из тьмы, чем он и воспользовался, публикуя здесь портрет моей кисти!

В свою очередь он сфотографировал меня на скамейке рядом с зайкой, которого бросила хозяйка. Это представляло собой душеворажающее зрелище, тем более, я была знакома с первым мужем Агнии Львовны – Павлом Барто, милым детским поэтом-орнитологом, под чьей фамилией она обрела свою мировую славу, и как-то однажды в гардеробе ЦДЛ он пожаловался мне, что Агния грозно требует от него сменить фамилию, так как поэт Барто на этой планете может быть только один, вернее, одна!

Второй мой портрет – Ивкин снял на нулевом километре Свердловска.

– Такое впечатление, будто я снимаю Туге Янсон! – сказал Сергей.

Потом мы гуляли по Плотинке и любовались на Исеть, которую я приняла за Урал-реку, до боли знакомую по былинным песням о Чапаеве.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Утром вышла на улицу и увидела Ивкина в обрамлении двух Лен – зеленоглазой красавицы Гармс и Елены Соловьевой в синем платье с коралловым ожерельем. Всей компанией отправились обедать в ресторан «Высоцкий». Мы с Яной Вагнер, писательницей, которую поклонники прозвали «русский Стивен Кинг» за особую крутизну сюжетов, – расположились у окна и с высоты обозревали Екатеринбург земной и небесный. Мы пили прекрасное вино и распевали гимн кубинских революционеров «Белла Чао», переведенный на русский язык Сергеем Ивкиным этой ночью:

– Bella, ciao. Bella, ciao. Bella, ciao. Ciao. Ciao!

При этом Елена Сергеевна Гармс – как Михаил Кутузов на Бородинском поле – разруливала предстоящую Библионочь: где у нее игра на гучжэне от Школы Конфуция плюс тайцзы, где любительское объединение «Хороводы мира», тут знакомство с персидским языком – от каллиграфии до грамматики, здесь настольные игры на испанском с натуральным живым мексиканцем...

День разворачивался по плану Ивкина, означенному вчерашней смс-кой:

«12.55 до 14 обед в «Высоцком». С 14.30 – Музей наивного искусства. Потом открытие в «Белинке» и ваша речь на 2 минуты. Выступление в 20.00. После него интервью газете и вольная программа...»

Библионочь стартовала чисто по-уральски – народной застольной «Степь да степь кругом» про замёрзшего в степи ямщика, с чувством исполненной молодым аккордеонистом. В самый пронзительный момент, где «а жене скажи пусть не печалится...» мне позвонили из московского издательства «Детская литература» – с просьбой напечатать в хрестоматии для дошкольников и младших школьников ряд моих произведений... по складам. Я обещала обдумать это заманчивое предложение.

В зале, где собиралась публика на мое выступление, у книжного прилавка меня встретила прекрасная Елена Бушуева, бард и менестрель. Обнаружив, что главный герой романа «Три стороны камня» художник и у него есть медведь, она преподнесла мне бушведя, так Лена зовет медведей, сшитых ее золотыми руками. В честь главного героя романа Лена его назвала Ильей Золотником, снабдив холщовой сумкой через плечо, кистью, палитрой и удостоверением личности.

Публика была заинтересованная, читающая. Два картинных человека в зале особенно привлекали мое внимание, чем-то родственные моим эксцентричным героям: на первом ряду сидел эффектный мужчина во всем черном – в непроницаемых черных очках, будто сошедший с экрана из фильма «Men in Black», работающий на неофициальное агентство, регулирующее деятельность инопланетян на Земле, защищающий землян от отбросов вселенной. И убеленный сединами джентльмен в ковбойской шляпе, остроно-

Марина и зайка

Чьи ноги изображены на этом фото – Астрид Линдгрен, Туге Янсон или Марины М.?

Памятник Человеку-Невидимке, открытый художником Шабуровым. Постамент и два следа: один – Сашин, другой – Невидимкин. А сверху еще и наши с Яной!

Аркадий Ачитов
«Свердловский вальс»
2019, холст, масло, 80×120

На военные оркестры во времена СССР была огромная мода. Даже бабушек на погост носили по улицам под барабаны и громкие звуки военной меди. Но сменилась модель бытия. Теперь в моде похороны типа «чтоб никто не видел и не слышал».

Также и с Краснознаменной группой на Плотинке Екатеринбурга. Ночью спилили, похоронили. А вот культурологи говорят, что она имела художественную ценность. Одним она казалась «языками пламени», отражавшими боевой и металлургический дух Свердловской области. Другие говорили, что это красные кристаллы из бесконечных уральских кладовых... В названии картины я использовал наш хорошо известный музыкальный символ – песню уральского композитора Евгения Родыгина «Свердловский вальс». Только давненько я ее нигде не слышал. Видно тоже идет на дно истории?

екатеринбургской «У-факторией»... Мы фотографировались, братались, обнимались, пока Сергей не спустил меня с небес на землю.

– Марина, – сказал он деловито. – Над вами уже не ваш портрет.

После чего ликующе объявил в микрофон:

– Какие звезды сияют сегодня на нашем небосклоне! А сейчас перед вами выступит еще одна звезда, еще более яркая – писательница Яна Вагнер!

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Пока я давала интервью газете «Курган и курганцы», в гостиницу пришел Ивкин. Оказывается, после выступления Яны он живописал ее портрет, что потребовало огромного напряжения сил. К тому же Яна в знак восхищения и в целях излечения Ивкина от бронхита щедрой рукою плескнула ему кофеечка. Сергей выпил, ночью не мог уснуть. А чтобы остановить мыслительный процесс, поскреб по сусякам, и – в общем-то, непьющий, – выпил водки, оставшейся от

рых ботинках, подпоясанный широким ремнем, все пальцы у него были унизаны драгоценными перстнями. Услышав о моем путешествии в Гималаи, он спросил: ночевала ли я одна в горах?

– Нет, – отвечаю, – одна я даже не смогла бы отыскать «Белинку», хотя сверни за угол – и ты тут!

– В таком случае можете считать, что вы не были в горах, – заявил он, – иначе вам бы явился Дух Гор, и вы бы никогда в жизни уже не смогли забыть об этой встрече!

каких-то знаменательных в жизни событий. С трудом проснувшись, Ивкин надел душеподъемную красную толстовку, черно-белый талес и отправился на встречу со мной.

Планов громадье: конструктивизм Екатеринбурга и пространная экскурсия по музею Авангарда. Оба мероприятия предполагали немалый энергетический ресурс. Наш проводник по конструктивизму Катя, например, призналась, что несколько дней перед экскурсией вообще не выходила на люди, накапливала коммуникабельность.

Басовитая, корпулентная, в сером джинсовом жилете, она даже напугала Ивкина своим появлением, хотя он не подал виду. Уверенно повела нас Катерина дорогами конструктивизма, превознося до небес бесстрашных и свободных архитекторов Гинзбурга, Пастернака, Прохорова, вдохновенных идеями Ле Корбюзье, и костеря на чем свет стоит варварскую реконструкцию, бульварное оформление старых добрых фасадов, оплакивая снесенные шедевры архитектуры.

ли змеевик, то ли серафинит, зеленый с просверками. Катя не могла пройти мимо: камень был прекрасен, а у нее хобби – она мастерит украшения. Ивкин даже выразил готовность приобрести у нее для Оли ожерелье, манившее его названием «Синюшкин колодец». (Из этой затеи ничего не вышло, поскольку Оля заметила, что такие украшения надо носить с индейским убором воинственных ирокезов...) С трудом оторвав от земли придорожный

валун, Катерина несла его на руках, продолжая гимн конструктивизму. День клонился к закату, мы валились с ног, но Ивкин, как джентльмен, забрал ее неподъемную ношу и положил к себе в рюкзак.

С этим булыжником мы поднимались на восьмые этажи без лифта, вылезали на крыши, восхищались истоптанными лестницами и поцанскими перилами, бесконечными коридорами и шмелиными ячейками мастерских...

Пока в одной из таких кают художница Наталья Хохонова не устроила для нас выставку авангардной живописи. А надо сказать, Наталья в свои живописные полотна включает каменные фрагменты, как, например, родонит – в бороду сказочника Бажова.

Тут Ивкина осенила гениальная идея: – Дорогая Наташа! – торжественно сказал Сергей. – Ваша подруга Катя принесла вам подарок, – с этими словами он вытащил из рюкзака бесценный самоцвет и преподнес его Хохоновой.

– Ну что ж, – вздохнула Катя, ошарашенная его коварством. – Пожалуй, как подарок он тоже хорош...
Теперь нам оставалось встретиться только с Шигирским идолом, древнейшей деревянной скульптурой на земле. Мне показалось, тот немного оживился, завидев Ивкина. Какая-то возникла рифма в форме их голов, что я и запечатлела на снимке.

– Да, это то, чем я занимаюсь, – написал потом Ивкин в «ВКонтакте», – снимаю вечность...
P. S.

– Сергей, – сказала я, – завтра не провожайте, отсыпайтесь. Меня забросит в аэропорт Василий Анатольевич.

И мы обнялись, как два саньясина, как люди на Пути, которым ещё встречаться и встречаться в будущих жизнях.
P. P. S.

Два мероприятия, намеченные Ивкиным, ему не удалось вместить в мой приезд – музей Андерграунда, где целый день напрасно ждал экскурсовод, но Катя не выпустила нас из объятий конструктивизма, и ... премьеру «Тараса Бульбы» у Николая Коляды...
P. P. P. S.

«Эх, зря я не поехал вас провожать, – писал мне уже в Москву Сергей Ивкин. – Попал на тренировку по пожарной безопасности!». И фото: стоит Ивкин со шлангом и заливает дымящуюся кучу...

Сказать, что мы с Ивкиным были в ударе – ничего не сказать, слева от меня раскинулись книги моего мужа – уральца Лёни Тишкова – «Даблоиды», «Водолазы», «Черный юмор для белых и цветных», фантазмагорические существа – из его снов и фантазий, справа – собрание моих сочинений... И с каким удовольствием я пополнила его мифологическим, странным, смело можно сказать, эпическим романом «Крио» о моих предках – удалцах и героях и неутомимых возлюбленных, которого уже днем с огнем не сыскать. А также дзенскими историями о мудрецах в миру «Мусорной корзиной для Алмазной сутры» и хулиганской книгой баек и анекдотов «Танец мотыльков над сухой землей».

Когда мы триумфально закончили встречу, ко мне выстроилась очередь подписывать книги – новые – «Три стороны камня» и недавнее – девятое (!) издание «Собаки любит джаз», старые и раритетные экземпляры моих романов, «Гений безответной любви», выпущенный в начале века

Перед нами проплывали обшарпанные дома-корабли, дома-коммуны с их мощной экспрессией, соединением грузного и легкого, прямого и округлого, бетонных блоков и непредсказуемых оконных проемов, ритмом и контрастом, таинственными оптическими эффектами, движением воздуха и солнечных лучей, переходами, замкнутыми дворами и плоскими кровлями...

– Раньше считали, что эти дома-пароходы, дома-самолеты, «тракторы» и «серб-и-молоты» лепились на скорую руку «из говна и палок», – она говорила, – а вот поди ж ты – стоит сотню лет, голубчик, и радуется глаз понимающего человека.

То, что мы с Ивкиным именно из таковских, она не сомневалась (я ведь сама выросла на такой же крыше первого московского небоскреба Дома Нирензее в Большом Гнездиновском переулке!).

Стремительно расцветала сирень, жара сменялась диким ветром, слепящее солнце – тучами, конструктивизму все это на редкость шло: облупленные стены, осыпающаяся штукатурка, покосившиеся аутентичные ограды, дверные ручки, косяки...
На Ленина, 52, перед первым подъездом мы с Катей наткнулись на крупный уральский самоцвет – то

Имя – Илья.
Фамилия: Бушведь.
Пол: мужской.
Рост: 11 см
Дата рождения: 12.05.2022 г. Екатеринбург.
Материалы: натуральные сосновые иголки, стеклянный утяжелитель.
Мастер: Елена Бушуева.
Рекомендации по уходу: сухая чистка, для одежды – деликатная стирка (из одежды у него вязаный серебристый шарф).
Пожизненная консультация по здоровью – и Ленкин телефончик.

Поэт и музыкант Лена Бушуева, Марина и бушведь Илья – мал Золотник, а дорог...

ЕКАТЕРИНБУРГ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЕЛЕНА СОЛОВЬЁВА

литератор, лауреат премий «Новая детская книга», «Рукопись года», дважды шорт-листер премии П.П. Бажова в номинации «Мастер. Проза», куратор «Екатеринбургского книжного фестиваля в Белинке»

Перед вами попытка создать литературную карту Екатеринбурга-Свердловска с помощью живущих и имеющих отношение

к культурному полю города писателей, поэтов, критиков. Чтобы структурировать процесс, каждого из них я попросила локализовать свой рассказ, выбрав три конкретные географические точки. Будто они ведут собственную экскурсию. Опрошенные мной респонденты принадлежат к разным поколениям, придерживаются разных эстетических платформ, тем и интереснее получившаяся в итоге коллективная картина. Она высветила неярный беглому взгляду рисунок человеческих связей, зоны перекрёстного опыления, общие точки притяжения, которые вполне можно считать местами силы.

фото: Дмитрий Бавильский

Лично для меня Екатеринбург литературный начался с мощной прививки через тексты Александра Башлачёва. В бытность свою студентом журфака он жил в общежитии Уральского государственного университета им. А.М. Горького на улице **Большакова, 79** в каморке за «умывалкой». Комнатку, больше напоминающую шкаф, с гордостью показывали понимающим гостям, и каждый уважающий себя гитарист исполнял его песни на студенческих посиделках, а то и непосредственно в длинном коридоре или на козырьке крыльца, как бы примеряя на себя поэтику и судьбу их автора.

*Этот город скользит и меняет
названья.*

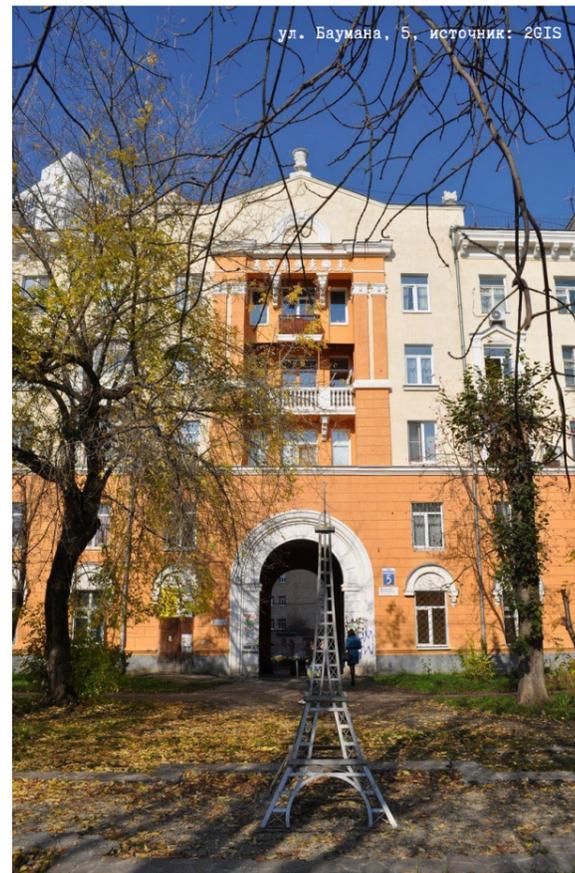
*Этот адрес давно кто-то
тщательно стёр.*

*Этой улицы нет, а на ней нету
зданья,*

*Где всю ночь правит бал
Абсолютный Вахтёр.*

К тому моменту Башлачёв уже выбросился из окна в Ленинграде, но переживание истории, творящейся здесь и сейчас, было очень сильным. Позже оно послужило толчком к созданию проекта «Литературный видеоархив. Фондовая запись», который на протяжении вот уже нескольких лет осуществляет СОУНБ

им. В.Г. Белинского, где я работаю. С 2016 года мы записываем на видео живые читки уральскими авторами своих текстов.

ул. Баумана, 5, источник: 2GIS

Литературный квартал, фото из архива Объединённого музея писателей Урала

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

драматург, режиссёр, писатель, основатель «Коляда-театра», заслуженный деятель искусств РФ, лауреат премии имени П.П. Бажова

Наверное, все ждут, что, прежде всего, надо идти в Литературный квартал. Да, там много замечательных мест и, конечно, Музей Решетникова. Решетников – один из самых прекрасных русских писателей. Тургенев в своих письмах из-за границы ценил его талант на уровне Толстого. Однако музей этот как место к самому Решетникову имеет мало отношения.

Я бы повёл всех интересующихся в начале экскурсии к **дому номер 8 на улице 8 Марта**. Сейчас там

Дом Актёра, а когда-то, в семидесятые-восьмидесятые, там находилась редакция газеты «На Смену!». Газеты этой сейчас (и давно уже!) нет, а газета была прекрасная. Свежая, смелая, острые материалы печатались в ней. И при газете существовал Литературный клуб имени Пилипенко. В этот клуб на занятия ходил и я. Вся группа заседала раз в неделю в комнате – самой угловой, справа. Сейчас там, кажется, кабинет директора Дома Актёра.

Руководил клубом Леонид Аристархович Фомин. Именно там, в «Насменке», я познакомился со многими писателями Урала. Туда на встречу с нами приходили Сергей Бетёв, Майя Никулина, Генна-

фото: Эка Вахакидзе

дий Бокарев, Александр Иванченко. А может, я путаю, с Иванченко я познакомился позже, потому что его прекрасный роман «Автопортрет с догом» вышел во время перестройки. Но, мне кажется, что я узнал его и подружился с ним именно тогда. Там я встретился и потом долго дружил с Борисом Анатольевичем Путиловым. Его прекрасная повесть «Сокрушение Лёхи Быкова» была в моей молодости самой любимой. Там я познакомился и с Львом Сорокиным: он был

председателем Союза писателей СССР, Свердловского отделения, и он когда-то дал мне рекомендацию для поступления в Литературный институт.

Как жалко, что все эти писатели (я ещё не всех назвал), канули в Лету. Они жили в провинции, они не тусовались, писали и работали во имя великой русской литературы, и сейчас так незаслуженно забыты. Наверное, было бы интересно пообщаться с людьми, интересующимися уральской литературой, у этого дома и вспомнить поимённо этих писателей – я ещё не всех назвал. Вспомнить тех, кто достоин того, чтобы их помнили, а главное – чтобы их читали.

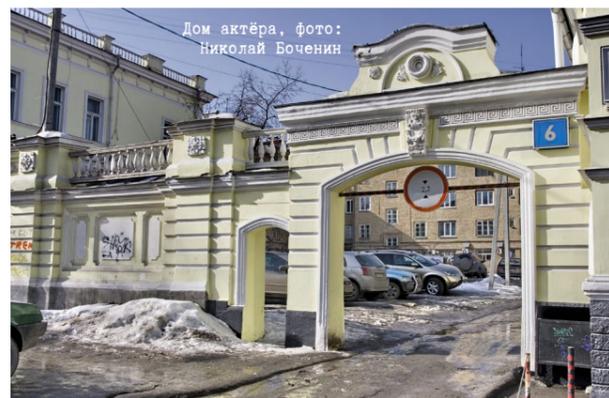
Второе место, куда я повёл бы экскурсию, был бы дом на **Малышева, 24**. Конечно же, надо всех привести в редакцию журнала «Урал», где я когда-то проработал 11 лет главным редактором.

Тут я встречался с великим и прекрасным писателем Никоновым, тут однажды в моём кабинете Владислав Петрович Крапивин кричал на меня и сказал, что «ноги его больше не будет в этом журнале!».

Тут работал под моим руководством Борис Рыжий, и я помню, как во время пьянок друзья-товарищи его наливали ему водки в стакан до полоски, спаивали его.

Тут прекрасный поэт Николай Яковлевич Мережников, заведывая отделом поэзии, наставлял многих поэтов, которые потом стали известными. А сам он какой поэт был прекрасный!

Тут мы много раз с тем же Борисом Рыжим ругались. Сюда приходили поэт Решетов, прозаик Вера Кудрявцева, моя крёстная мама, сюда приходил скандальный Верников, молчаливый Тя-

Дом актёра, фото: Николай Боченин

АЛЕКСЕЙ САЛЬНИКОВ

писатель, поэт, лауреат премии «Национальный бестселлер»

Сейчас это время уже не вернуть, но было бы неплохо показать людям **утреннюю пробку на проспекте Космонавтов со стороны Верхней Пышмы.**

В пробке написало много стихов, хотя люди и косились, когда доставался блокнотик, ручка, но затем появился телефон, и всё стало проще. Самый забавный случай, произошедший в этой пробке, с литературой никак не связан, а связан как раз с тогдашними телефонами, на которые уже можно было фотографировать, но толку от этих фотографий было мало, да и палево на них было фотографировать. Всем знакомым я об этом случае разболтал, сейчас разболтаю и незнакомым. Верить – не верить, это уж как пойдет. В общем, стою я в этой пробке в дико полном автобусе (тогда ещё пенсионерам не отменили бесплатный проезд, бомбилы почему-то ещё не догадались возить людей, поэтому людей с утра всегда набивалось в сто одиннадцатый автобус просто до чёрта). И вот я стою, неизвестно чем держусь за поручень, смотрю по сторонам и замечаю мужчину,

дико похожего на Вигго Мортенсена. Тогда ещё свеж был в памяти экранизированный «Властелин колец», и было явно видно, что дяденька – вылитый Арагорн, только в меховой шапке. Я бы и спросил у него, не говорил ли ему кто, что он похож на актёра, но подумал, что у него много уже кто об этом спрашивал. Достать телефон и начать его снимать я тоже не решился. Это сейчас незаметно заселфиться, где фоном будет что-нибудь или кто-нибудь забавный, – очень легко и просто. Ну, в общем, сначала вышел фильм «Порок на экспорт», а затем интервью Вигго (в «Русском репортёре», кажется), где он рассказал, что для вживания в роль прилетел в Екатеринбург и катался в окружающие городишки на автобусе, что никто его не узнавал, кроме какого-то мальчика в аэропорту на обратном пути. Думаю, что на самом деле его много кто узнавал, просто люди и предположить не могли вероятность, что это не просто очень похожий на него человек.

Во **дворике музея «Литературная жизнь Урала XX века»** прошло много очень душевных встреч, думаю, они и дальше будут проходить, жаль только, что Юлия Подлубнова уехала, без неё будет уже не совсем то. Когда мы ещё не были особо дружны, Юлия всё же согласилась провести презентацию моей книжки «Нижний Тагил» в музее, было это бог знает в каком году, уже и не вспомнить. Был страшный холод, поэтому на презентацию пришли, насколько помню, только двое наших нелитературных друзей, Юлия была по долгу службы, Лена, поскольку моя жена. А ещё в самом дальнем углу сидел человек с запоминающимся лицом, в котором было что-то от лиса. Спустя некоторое время он пришел и на «Стихи О». Это был Евгений Ивачевский. Как хорошо, что мы с ним познакомились.

Остановка-киоск «Красных командиров» в сторону педагогического университета. Киоск – это такой образец уральского упорства – столько всего меняется вокруг, а он всё стоит, хотя в нём и безнала нет, что-то в этом есть.

фото: Катерина Скабардина

Вообще, когда мы переехали на Таганскую, два года нам казалось, что тут на окраине ничего нет, кроме удобного транспорта. Мы ходили в аптеку чуть ли не на Шефскую, за продуктами – или в сторону конечной шестнадцатого и тринадцатого троллейбусов, или в магазин «Евгений» (куда в тридцатиградусный мороз однажды вошли две женщины, одетые только в халаты и тапочки, слегка растрёпанные, довольные и податые, продавщица, видимо, знакомая с ними, совмещая сарказм и восхищение, сказала: «Ой, какие у нас причёски, с вами теперь, наверно, только на “вы” можно разговаривать?»), ещё был магазин «Гурман», кажется. Очень тесный, но совмещавший овощную лавку, пекарню. И вот в этот вот круглосуточный киоск, который до сих пор стоит и спорит долговечностью только с магазином «Мир постельного белья», где однажды продавалась футболка с принтом из радужного флага и надписи I'm proud. Неважно. Ещё тесная почта была с неизменной очередью. И вот почта закрылась на ремонт, чтобы после стать

Музей «Литературная жизнь писателей Урала XX века»

и почтой, и «Сбербанком», а куда не стала, на неё повесили табличку «Почта закрыта до такого-то, ближайшее почтовое отделение на Баумана». И мы такие: «Какая ещё к черту Баумана?» Точнее, не мы такие, а я такой, нужно было отправить денежный перевод. И вспоминаю, что есть остановка Баумана, а на саму улицу мы как-то не сворачивали. И вот, когда я дочал до Баумана, у меня создалось впечатление, что меня занесло на Косой переулок из «Гарри Поттера». Мало того что там имела почта, так там располагались (и располагаются) две аптеки, куча магазинов и лавочек, трамвайное кольцо, зоомагазин, ветеринарка.

До сих пор, когда туда поворачиваю, чувствую эту энергию постоянной торговли. А поздно вечером там жутковато. Особенно поздней осенью, когда ещё не выпал снег.

гунов, приходил Дозморев, всегда фонтанирующий идеями.

Были тут и Игорь Сахновский, и Алексей Сальников (начинал в журнале у меня как поэт). Тут Андрей Матвеев познакомил меня с Ильёй Кормильцевым и мы вместе делали «Американский номер».

Бесконечно можно рассказывать на четвёртом этаже этого дома на Малышева, 24 о том, кто сюда заходил и что тут было. Помню, что в редакции не было сорок лет ремонта. Я выпросил денег у тогдашнего министра культуры Ветровой на ремонт, и год мы этот ремонт делали. Как там дела сейчас у моего ученика, главного редактора журнала Олега Богаева, – я не знаю. Я много лет назад переступил порог этой редакции и больше туда не хожу. Не хочу. Обиделся. Но это отдельный разговор.

Здание журнала «Урал», фото: Николай Боченин

А потом надо привести экскурсантов к дому на **Пушкина, 12**. Этот дом посещали все писатели. Я туда давно не хожу – это тоже отдельная история. Но кто только туда из уральских писателей не заходил! Надо вспомнить и Геннадия Бокарева, и поэтов Станцева, Германа Дробиза, и прозаика Ольгу Славникову...

Много можно вспоминать.

Я немного только повспоминал.

И радуюсь, что все эти люди (многих уж нет на свете) живы хотя бы в моей памяти, и я буду им благодарен по гроб жизни за учёбу, за поддержку, за дружбу.

фото: Владимир Хаманов

Дом актёра, фото: Николай Боченин

Дом писателя, фото: Николай Боченин

фото: Марина Волкова

ЮЛИЯ КОКОШКО

прозаик, поэт, лауреат премий А. Белого и П.П. Бажова

Тут надо сделать различие: экскурсия для ко-го-то – или для себя. У меня были интимные литературные переживания, когда я была влюблена в Наполеона и, прочитав о нём все, что можно, ходила каждый день в читальный зал Библиотеки им. В.Г. Белинского – читать мемуары Армана Коленкура «Поход Наполеона в Россию», которую сейчас можно запросто скачать в интернете, а тогда **Белинка** была для меня счастьем и порталом, позволяющим мне войти во время Наполеона, присоединиться к императору, в спешке покидающему подмороженную Россию... В любом случае я назвала бы это священное место, Белинку, где мне довелось побывать на множестве встреч с прекрасными писателями, – нашими и заезжими.

Из последних помню фестиваль «толстяков», устроенный журналом «Урал», когда съехались главные редакторы толстых литжурналов, презентация в одну из «Библионочей» книги Сергея Белякова «Тень Мазепы: украинская нация в эпоху Гоголя», встречу с Анной Матвеевой, вечер Юрия Казарина, презентацию книги Аркадия Бурштейна «Реальность мифа», когда живущий в Израиле автор был с нами на связи по скайпу.

И о чём я буду сожалеть всю оставшуюся жизнь – что мне не пришлось побывать на вечере Игоря Сахновского. Кроме того, когда-то здесь записывали наше авторское чтение – и после меня по времени был Александр Верников, и тогда я видела его в последний раз.

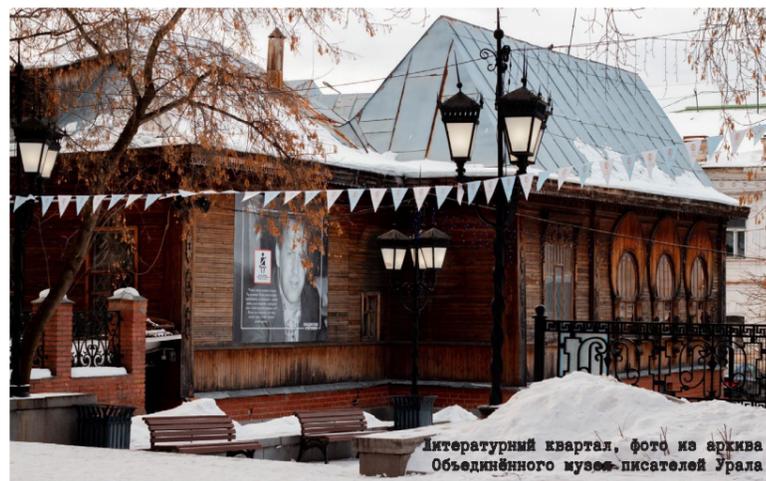
Еще я назвала бы в 1980-е годы чудесный **дом Аркадия Бурштейна** в истоках ул. Свердлова, где были в гостях замечательные авторы, в частности здесь мне довелось познакомиться с молодым Виталием Кальпиди, хозяину приходившимся любимым другом. Здесь иногда бывал погивший в 1990-х поэт, известный как Сандро Мокша, – Саша Шмаков. И здесь случались самые интересные ли-

Юлия Кокоско с Аркадием Бурштейном

СОУНБ им. В.Г. Белинского

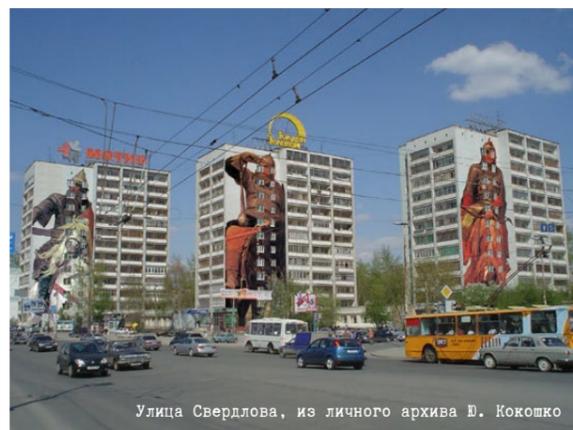

Литературный квартал, фото из архива Объединённого музея писателей Урала

тературные разговоры. Какой-то шутник изобразил эти дома в виде «Трёх богатырей», с удовольствием прилагая.

Но места не стоят на месте, а перемещаются вместе со своими героями. И отныне этот фрагмент улицы Свердлова с любимым литературным другом Аркадием обнаружился для меня в Израиле.

Ну и, конечно, **Литературный квартал** – музей «Литературная жизнь Урала XX века», где тоже совершались самые интересные встречи. Из последних помню презентацию книги «Некрасивая девочка» на мотивы Заболоцкого (тогда ещё проекта), где участвовали Екатерина Симонова, Юлия Подлубнова, Наталия Санникова, Саша Маниченко и др., презентацию книги поэта – предмета моего восхищения – Еганы Джаббаровоной, приезд чудесного московского поэта Геннадия Каневского.

Улица Свердлова, из личного архива Ю. Кокоско

Здесь же мне удалось во время филологической конференции увидеть пиетерского профессора Людмилу Владимировну Зубову, чьи исследования поэтической речи – поинтересней

приключенческого романа! Ну и, кроме того (перехожу на стыдливый шёпот), здесь случилась презентация и моей книги – «Сумерки, милый молочник».

НАДЕЖДА КОЛТЫШЕВА

драматург, заместитель главного редактора журнала «Урал» по вопросам развития, куратор литературного фестиваля «Толстяки на Урале»

В **Парке им. Маяковского** есть целых две аллеи толстых литературных журналов. Хотя точнее будет сказать сад и аллея. Сад был заложен во время второго фестиваля литературных журналов «Толстяки на Урале», и в посадке деревьев и кустарников приняли участие главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин и его первый заместитель Наталья Иванова, редактор сетевой версии журнала «Новый мир» Сергей Костырко, главные редакторы журналов «Вопросы литературы», «Октябрь», «Иностранная литература», «Нижний Новгород» и «Север» Игорь Шайтанов, Ирина Барметова, Александр Ливергант, Олег Рябов и Елена Пиетилиянен. А также поэт Сергей Гандлевский, писатель Михаил Першин и критик Василий Ширяев. Тогда были посажены: рябина (3 шт.), калина городовина (1 шт.), два рябинолистных рябинни-

Сад толстых литературных журналов

ка и 12 спирей японских. В 2018-м году, недалеко от фанзоны Чемпионата мира по футболу, во время четвёртого фестиваля «Толстяки на Урале» в компании тоже очень приличных людей были посажены традиционные русские берёзки.

Сергей Гандлевский в Сад толстых литературных журналов

Дом возле трамвайного кольца

Хлебозавод

Памятник Куйбышеву

Пожарная каланча

Кольцо ВИЗа

ДК ВИЗ

фото: Владимир Порш

Аркадий Ачитов «Ресторан «Интурист»» 2022, холст, масло, 90x60

Писалась картина спонтанно – ради красиво сервированного блюда с закусками. Но тут вдруг оказалось: в декабре исполняется сто лет со дня рождения СССР! Кто ностальгирует по советским временам, этот рецепт оформления праздничного стола – для вас!

Аркадий Ачитов «Защитники Уралмаша» 2020, холст, масло, 100x110 «Вестернизация» бойких 90-х.

РУСЛАН КОМАДЕЙ

поэт, лонг-листер премии «Дебют», шорт-листер премии «ЛитератураРентген», редактор журнала «Здесь» (Екатеринбург) и поэтического издательства «Полифем», организатор ландшафтного фестиваля «Вода и вода»

фото: Марина Козлачкова

Представлять и видеть – одно и то же. Вот мы идём копаться в **Саду Бажова**, там только что нашли кости его собаки, они не пахнут, но восстанавливают время. Заворачиваешь в завозню – там всё ещё можно мастерить, чтобы появилось время отдыхать и курить после. Часть сада пытается за-

из личного архива Р. Комалея

расти – потому что дом больше не растёт, он музей, он устал, скукожился. Садовый то ли бурьян, то ли плохой памяти резец – всё переставлено, но на свои места: чтобы травы в меру, вовремя навсегда.

Расположиться между чудовищами – памятными Пушкиными расстоянием длиной в город: один – каратист, с интимными пальцами ног снизу, с замшелой позой рук, ночнушка и стальной холод – когда образчик урождённой неправильности превращается в красующееся уродство. Вместо памятников – посмертные маски и на века. Другой – сморщенное железо в пахнущем потом сюртуке, спрятан в университетском дворе – там никого нет, место уже занято. Только и остаётся.

На третьем месте слишком ветрено. Им может быть любой проходной двор, где собираются пишущие. Главное, не заходить в тёплое кафе – там тоже пишущие, но им слишком хорошо, а не ветрено.

из личного архива Р. Комалея

С **Трамвайного кольца ВИЗа** (Верх-Исетского завода) когда-то стартовала литературная экскурсия по «Повести, которая сама себя описывает» Андрея Ильенкова. Экскурсия, которая сама себя показывает, возникла спонтанно. Летом 2012 года в редакцию журнала «Урал» позвонила Юлия Недосекова, в то время главный редактор портала «Чашка Петри», и предложила нам поучаствовать в проекте «Экскурсии для умных». Мы подумали и в ответ предложили провести экскурсию по маршруту повести Андрея Ильенкова, опубликованной в нашем журнале.

А потом возник вопрос: и что там особенно показывать? Герои садятся в трамвай № 11 по единственному в городе однопутному маршруту и едут-едут-едут. Название каждой главы совпадает с названием остановки, которую проезжают герои («Кольцо-Заводская-Татищева-Плотников-Рабочих-Разъезд-Конный малый»). А когда они доезжают до конечной остановки, то идут в коллективный сад и там погибают. Реальный путь на реальном трамвае занимает 10 минут, как убедить этих умных, что это настоящая экскурсия для них?

Но мы всё же поехали на площадь Субботников, и вот там началось. Нам стали попадаться многие герои повести вместе и по отдельности, в нужных точках появились необходимые знаки. Так, на остановке «Разъезд», которая должна была соответствовать 1940-му году, обнаружались тематические надписи про Гитлера и объявление службы «Тимур и его команда». Ну и т. д.

Экскурсия просуществовала два года, многие умные на ней побывали, а в результате вокруг неё возникло целое культурное движение. К сожалению, довольно быстро множество объектов было разрушено (не нами, а силой фатума и градостроительства!), поэтому той, первозданной экскурсии, уже никогда не повторить. Но остались многочисленные живописные фотографии и один документальный фильм.

На **Ивановское кладбище** мы как-то пошли всё с тем же Андреем Ильенковым – навестить могилу Павла Петровича Бажова. Навестили. А там на нас напала стая собак. Молодых и дерзких. К счастью, всё закончилось благополучно, и мы даже успели на премьеру фильма «Жить» Василия Сигарева.

УЛИЧНОЕ – ЛИЧНОЕ

Поэтическая композиция

Аркадий Застырец

Москвой дышу я или не Москвой?
А может, только улицей МОСКОВСКОЙ,
Большой и неопрятной, как Лебовский
Во мгле родной, свердловской, воровской...
Увы, в столице нету буквы «ры»,
Влюблённой, хлебной, пресной и раскосой...
А здесь, в Свердловске, квасят огурцы
До становленья зелени – белёсой,
Как мамин лифчик, выпцветший в огне
Короткого в июле солнцепёка,
Как сталевара серая опока
И пыльный клейстер в мартовском окне.
Москвой дышу ль в моём туманном сне?
А может, и Москвой – в отверстой дали,
В рубиново-лазурной вышине,
Где тают наши местные детали
И всё уходит в ясный оборот,
Над водами раскидывая вёсла,
Когда гроза над площадью встаёт,
Востря свои желобчатые тёсла,
Как крылья – реактивный самолёт.

Константин Комаров

Подняв свое измученное тело,
как из капкана вылезшая мышь,
по МАЛЫШЕВА шляясь ошалело,
ты думаешь: все кончено, малыш...
Не поняли тебя, не оценили,
прогнав метафизическим пинком...
В унынье ты заходишь в пиццу мию,
заказываешь крылышки с пивком...
И ешь, и пьешь, и пожинаешь лавры
беспечного похода напролом,
и веришь в то, что не ошибся в главном,
и брошенному Богу бьешь челом...
Но на пустой стакан нахмутив брови,
себя одернешь в нужном падеже:
ты столько лет по Малышева бродишь,
свернул бы на ВОСТОЧНУЮ уже...

Инна Домрачева

Пойдём скорей гулять по ТОКАРЕЙ, –
Листва как театральная программка
Шуршит, – среди аптек и фонарей,
Вдоль медобцаг и Солнечного замка.
Упрёмся в пикуля на Крауля,
В дворы из тополей и краснотала,
Кругом лежит родная мне земля,
Моя земля – три с четвертью квартала.
Борясь с тоской, пойдём по ЗАВОДСКОЙ,
Пытаясь дозвониться до Андрея,
Уже вот-вот настанет день-деньской,
И выкатится солнце, токарея.

«УЛИЦА БЕЛИНСКОГО. МОСТ ЧЕРЕЗ ИСЕТЬ»

Вадим Дулепов

день становится длиннее.
жизнь становится короче.
на мосту – с петлёй на шее –
встал троллейбус, обесточен.
не стучит его сердечко
электрическим мотором.
а внизу – играет речка
разноцветным разным сором.
утекает в никуда
одинокая вода.
в ненакрашенное утро

вышли напроць пассажиры.
пригорюнилась кондуктор –
как в ограбленной квартире,
словно деточку качает
сумку-кожезаменитель
и спасения не чаает,
и прилёт на руль водитель.
мнится бедной билетёрше,
не вернутся люди больше.
за троллейбусом машины –
разномастным стадом густо.
в них сердитые мужчины
выражают свои чувства.
телефонные оркестры
разом музыку играют,
и летит в эфир окрестный
кто куда не попадает.
солнце встало, тает грязь.
трудно жить не матерясь.
с краешку – кобель бездомный
налегке бежит куда-то,
в пальтеце демисезонном,
с мордой вечно виноватой.
он не верит, не боится,
ничего давно не просит...
а вверху – три чёрных птицы
в небе цвета купороса –
тройка пик, три чёрных стража –
крутят петли пилотажа.

«ВЕСНА»

Константин Реут

У крыльца моего
бьет копытом буланая лошадь.
Солнце там, за стеной,
где кладовка, мазут и весы.
Но приносят ко мне
на плащах и на новых калошах
наразгаданный запах весны.
Шелкнет дверь.
Примет рапорт начальник.
И снова
спит калитка на солнце.
Чернеет подъезд, как крыло.
Я стою на часах,
а по улице ХОХРЯКОВА
солнце гонит лучи напролом.
Мне бы с ними кричать,
перепутывать волосы, бегать
и трубить на опушках
в широкий охотничий рог.
И смотреть в синеву,
как встают из-за мокрого снега
черно-бурые ребра весенних дорог...
И смотреть на сады,
где навесы ветвей очумело
барабанят по крышам,
как тысячи ног...
Но я старше лучей.
Я зимой аттестован на зрелость.
А они, как мальчишки,
по лужам играют в пинг-понг.
Да, я старше лучей.
Но люблю их цветную руладу.
Я люблю наши звезды,
когда затихает листва.
Я люблю даже осень.
В заводе, в конторе, у склада
мир мной понят,
и я
охраняю его торжество.
У крыльца моего под седлом
бьет копытами лошадь.
В пирамиде винтовки
спокойны, нежны и просты.
Я стою на часах.
Мне приносят плащи и галоши –
легкий шорох и глянец
изумительно новой весны.

Сергей Ивкин

От секретиции снов до секретных желёз
всё, что есть, превращается в дым,
в грязный воздух, пронзённый осколками слёз,
потому что кырдым-гыр-бырдым.

Потому что в ладонях свинцовый горох,
потому что Екатеринбург,
я от собственных лёгких сегодня оглох,
отключив этот грохот вокруг.

Мы на красный шагнём через ГЛАВНЫЙ ПРОСПЕКТ,
искривлённый внутри янтара,
отводя от лица западающий снег,
наизнанку себя отворя

на грядущий сквозняк, на внезапный разрыв,
то есть дальше планет и небес,
потому что навывкат, точнее, навзрыд,
потому что вообще ни бель мес.

«ЗИМОЙ»

Елена Хоринская

От ПОСАДСКОЙ до ВОСТОЧНОЙ
Закружился первый снег,
Лед стал толстым, лед стал прочным.
И сковал разливы рек.

На пруду темнеют кочки:
Это в зимние деньки
Там сидят с утра до ночи
В длинных шубах рыбаки.

Облака плывут, как льдины,
Ночи темные длинны,
Тихо движутся машины,
Словно белые слоны.

Вышел снегоочиститель
Снег сгребать на мостовой,
И, как Дед Мороз, смотрите,
В белой шубе – постовой.

Тополя согнулись ниже
И укутались в платки.
Ждут ребят коньки и лыжи,
Стадионы и катки.

На снегу сверкают блёстки,
На деревьях бахрома.
Хороша зима в Свердловске,
Здравствуй, матушка-зима!

«БЕЛЫЕ НЕГРЫ»

Сергей Ивкин

Алексею Сверчкову

Улицей ФРУНЗЕ мимо Сбербанка
идёт негритянка
в туфлях из мёда, в брюках из спаржи,
в куртке из пепла.

В школьные годы друг мой Никита
клялся, что станет
взрослым и сразу же женится на
чернокожей.
Ну, позвони я ему и скажи, что
мечта его жизни
шьёт каблукчиками асфальт возле
Автовокзала.
Трое детей у него от добротной
и рыжеволосой.
Верил бы клятвам Никита – летел
за женою в Египет
лет девятнадцать тому...
Но работа, учёба...

Улицей Фрунзе мимо Сбербанка
идёт негритянка:
шея фламинго, тяжёлые губы...
Дальше – не помню.

В школьные годы инсмаутской расой
стали другие:
смуглые наркобарыги цыганских
посёлков,
их остроглазые дочери в грязных
халатах,
с перебинтованным телом
и неразборчивой

речью.
Вот они наши привычные
«белые негры»,
в жёлтых маршрутках передающие
мелочь,
в красных киосках меж банок
бодяжного
сока
тщетно скрывавшие шупальца
или клешни.

Улицей Фрунзе мимо Сбербанка
идёт негритянка:
пахнет лимоном, солёною рыбой,
дымом и сексом.

Тут же трубу поднимает неистовый
Диззи Гиллеспи,
Вторит ему богоизбранный
Чарли Bird Паркер,
И разливается нега вокала
Эллы Фитцджеральд,
И добивает все гвозди
Телониус Монк.

Эти в наушниках. Выключу –
у подъезда
наши глазами глядят:
никогда не услышишь
длинную добрую песню
вселенской тоски,
чтоб захотелось сказать:
«погоди, я – такой же...»

Улицей Фрунзе мимо Сбербанка
идёт негритянка –
мимо чумазых подделок блистающий
оригинал.

По Уралу

Информационный вестник «По Уралу. Путёвый журнал Библионнале#наУрале и моделей чтения»

Выпуск № 1, ноябрь 2022 года

Издано государственным автономным
учреждением культуры Свердловской
области «Свердловская областная
универсальная научная библиотека
им. В.Г. Белинского» (ГАУК СО «СОУНБ
им. В.Г. Белинского»)
620075, г. Екатеринбург, ул. Белинского, 15
(343) 304-60-70
Редактор – Е.С. Иванов
Номер к печати подготовлен
редакционно-издательским отделом
ГАУК СО «СОУНБ им. В.Г. Белинского»

Отпечатано в типографии
Екатеринбургской Епархии Русской
Православной церкви
620086, г. Екатеринбург, ул. Репина, 6а
Тираж 500 экз.
Распространяется
бесплатно

16+

